

Владимир Гриневицкий

Откровение Бога Том II
ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ

Владимир Гриневицкий

**Откровение Бога. Том
II. Царство небесное**

«Издательские решения»

Гриневицкий В.

Откровение Бога. Том II. Царство небесное / В. Гриневицкий —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858424-4

Второй том истории, повествующей о цикле перерождения Бытия. История, на создание которой ушло 13 лет. Книга в аннотации не нуждается. Суди строго.

ISBN 978-5-44-858424-4

© Гриневицкий В.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	9
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	24
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	37
Глава 9	39
Глава 10	40
Глава 11	41
Глава 12	43
Глава 13	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Откровение Бога

Том II. Царство небесное

Владимир Гриневицкий

© Владимир Гриневицкий, 2017

ISBN 978-5-4485-8424-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Из интервью директора ЦРУ Майкла Нароя национальному каналу:

– Несомненно, то, что произошло в Нью-Йорке в тот день, стало шоком не только для всей нации, но и для всего мира... Э-м-м-м... События того дня вряд ли получится забыть, ведь впервые за всю историю мы столкнулись с чем-то необъяснимым... С чем-то настолько непонятным нам, что это будет держать людей в страхе ещё долгие века. Понимаете, есть множество слухов и предположений, что в мире существуют какие-либо паранормальные, странные или, я бы даже сказал, потусторонние вещи... Но... Не все люди верят в это, так как свидетелей таких явлений крайне мало, и как правило общество считает их ненормальными... Но в тот день в Нью-Йорке весь мир стал свидетелем одного из таких явлений... Одно дело, когда один человек или группа людей утверждает, что видели что-то необъяснимое, но в тот день... В тот день всё человечество было свидетелем того, как это существо промчалось по улицам... Тысячи очевидцев, сотни камер видеонаблюдения зафиксировали его передвижение... Несомненно, впервые мы сталкиваемся с чем-то необъяснимым лицом к лицу. И, конечно же, когда мы встречаемся с такими вещами, мы придумываем и раздуваем из этого целый культ. Именно поэтому событиям того дня дали название «Багровое Утро»...

Из интервью вице-президента США Абрама Бишеба национальному каналу:

– Понимаете... Вряд ли тут можно подобрать слова, чтобы хоть как-то описать случившееся... Признаться честно, у меня у самого мороз по спине прошёл, когда я увидел кадры с места событий. Чтобы объяснить произошедшее, понадобится не одно десятилетие... Багровое Утро изменило наше представление о существовании человека на Земле. Но лично я считаю, что события того дня оказались весьма кстати... Весь мир охватила паника после страшных событий в Иерусалиме, люди подумали, что настал конец света, ведь именно разрушение Иерусалима предрекал Иисус в Библии. По миру прошли массовые беспорядки, протесты, люди были в отчаянии, мировая экономика пошатнулась, миллионы людей оказались без работы, мир вспыхнул всего за одни сутки... Давайте называть вещи своими именами: после ядерного взрыва в Иерусалиме мир висел на волоске от Третьей мировой войны... И тут, именно в этот момент, в разгар хаоса и анархии появилось это существо... Мир замер. Впервые за всю историю человечества мы наблюдали то, что находится за гранью нашего понимания... Всё мировое сообщество наблюдало за событиями в Нью-Йорке с широко раскрытыми глазами... Благодаря Багровому Утру хаос и беспорядки по всему миру практически прекратились. Казалось... что сама Земля на время остановила своё вращение. Люди уставились в экраны телевизоров и с замиранием сердца смотрели кадры с места событий. Это был шок. Шок для всего человечества. Мир не будет таким, как прежде... Мышление людей до Багрового Утра и после – это совершенно разные представления о мироздании...

Из интервью одного из очевидцев:

– Я... Я видел, как машина от взрыва полетела в сторону и летела прямо на меня... Я испугался и от страха замер на месте, готовый умереть... Это существо... Оно... Оно пронеслось прямо передо мной и остановило машину в полёте, поймав её одной рукой, это спасло меня... Оно посмотрело на меня, и в глазах этой маски я увидел пустоту... У меня подкосились ноги, как сейчас помню, и я упал на колени в слезах... Мне было так страшно, казалось, что передо мною сам дьявол... Оно посмотрело на меня... Знаете, выглядело оно более чем жутко, в самых кошмарных снах такого не увидишь... Но знаете что, оно спасло меня, и я считаю, что это существо не желало нам зла... Я имею ввиду всех людей в целом...

Из интервью астрофизика, профессора Массачусетского университета Энтони Макбрайна национальному каналу:

– Вот! Вот видите?! Вот на этом кадре с камер видеонаблюдения мы хорошо видим, что внешне представляет это существо! Вот мы видим на нём чёрную мантию, почти до самой земли... Под ней мы видим, что её тело состоит из металла... Из-под мантии мы видим ноги... То есть стопы... Широкие ступни, собранные также из металла, достаточно массивные, чтобы передвигаться с такой скоростью... Всё остальное тело прикрыто мантией, но здесь, на этих кадрах, мы видим её лицо... Или... Э-м-м-м... Это больше похоже на маску... Больше похожую на человеческий череп, только более вытянутую вниз. Глазницы более овальные и зубы более длинные... Судя по тому, как отражается свет от этой маски, можно предположить, что она также сделана из металла... То есть ни о какой органике в теле этого существа речи не идёт... В глаза бросаются размеры этого существа... Тело, примерно в три человеческих роста, уверенно передвигается на двух ногах, так же, как и мы... Её движения, грация полностью копируют движения человека...

Из интервью очевидца:

– Я снял её на видео... Я был в кафе, когда всё это началось, эта тварь выбежала прямо на проезжую часть... Я услышал шум, крики, выстрелы, достал сразу же сотовый и приготовился снимать... Сначала я подумал, что это теракт или что-то типа того... Но когда в поле зрения появилось оно... Телефон выпал у меня из рук... Я считаю, что Бог наказывает нас за всё, что мы сделали, тем самым наслав на нас своё самое страшное творение... Багровое Утро останется в моей памяти как самый жуткий день в моей жизни...

Из интервью министра обороны США Шона Купера национальному каналу:

– Это существо земного происхождения, это однозначно. Мы находили несколько составных частей тела этого существа уже после всех этих событий – это титан. Никакого намёка на то, что это что-то взвезное. Не стоит придумывать глупостей про что-то инопланетное или потустороннее... Это оружие, несомненно... Просто какой-то... э-м-м-м... Я вам так скажу, в Министерстве обороны считают, что это была машина, что-то вроде робота, только... только это – технология, опережающая время. Это не наша разработка, и, скажу вам честно, наша разведка не подтверждает информацию о том, что какое-либо государство вообще обладает такими технологиями. Просто... нужно больше времени, чтобы дать ответы на все наши вопросы. Если проследить весь путь передвижения этого существа, то в самом конце мы видим, как оно срывает крест с крыши церкви, затем падает на проезжую часть... Конечно, дальнейшее трудно описать... Мы видим, как это существо встаёт на колени и...

Из интервью очевидца:

– Столько крови пролилось тогда... На улицах была мясорубка... Военные наступали с земли и с воздуха, миномётные обстрелы разворотили целые районы... Город светился от взрывов... И знаете, что? Этой твари было всё нипочём... Она в одиночку выпотрошила всех, кто осмелился дать ей бой... Я видел её издалека, сначала мне показалось, что мне это привиделось. Позже, когда я бежал с выжившими, мне рассказали, что что-то напало на нас, якобы армия столкнулась с «нечто»... Позже я увидел кадры по телевизору... Помню, я тогда взялся за голову, я не верил, что это реально... Мир обезумел тогда, люди были напуганы до смерти... Кто-то твердил, что настало время, когда Бог напомнил нам о своём существовании...

Из интервью очевидца:

– Бог существует. Я не сомневаюсь. Больше не сомневаюсь. Никто другой, никто и ничто не могло создать Это. Я была свидетелем Багрового Утра. Это было чистилище. Место, где души ещё не в аду, но ещё и не в раю...

Из интервью очевидца:

– Город оказался под карантином из-за этой твари, все выезды были закрыты, людей эвакуировали, но не все успели убежать... Я с дочерью оказалась в самом центре боевых действий... В город ввели войска: танки, БТР, по улицам были расставлены пулемётные гнёзда, в небе то и дело летали вертолёты, я слышала, были задействованы даже истребители... Военные наступали волнами, чтобы остановить это существо... Грохот был настолько сильным, что меня оглушили взрывы, что были в нескольких километрах от нас... Немного позже мы с дочерью оказались под ударом... Мы находились на проезжей части, между зданиями... бомбардировщик скидывал целую тучу бомб на это существо, когда оно оказалось рядом с нами... Несколько бомб упало в десятке метров от нас... и... это существо прикрыло меня с дочерью своим телом... обняло своими огромными металлическими руками и прижало к груди... Оно спасло нас... Кем бы оно ни было, я благодарна ему, да, но... если бы его не было, то и не было бы всего этого кошмара...

Из интервью религиоведа, профессора Кембриджского университета Ричарда Маилза:

– Кто мы во Вселенной? Какую роль играет человек в этом мире? Что находится за гранью всего материального? Имеем ли мы отношение к этому миру, или же мы всего лишь гости? Этими вопросами задаётся весь мир после Багрового Утра... Если взглянуть на то, как одето это существо, то единственное, что приходит на ум, это образ смерти. Чёрная мантия, длинный капюшон, лицо... Э-м-м... Или, как некоторые считают, это была маска... Очень многое свидетельствует о том, что это существо похоже на саму смерть. Очень многие люди так считают. Но если задуматься, то на самом деле образ этого существа не был похож ни на один образ из какой-либо религии или культа... Несомненно, те вещи, которые люди не в состоянии объяснить, приобретают статус чего-то божественного, именно поэтому маршрут, по которому двигалось это существо в тот день в Нью-Йорке, стал для верующих святыней, по их мнению, по этим местам прошёл сам Бог... Багровое Утро – именно так называют тот день. День, который заставил весь мир задуматься над тем, кто мы, и дал понять, что человек – это всего лишь марионетка в этой Вселенной. Багровое Утро породило множество религий

и культов и стало самым распространённым вероисповеданием, ведь свидетелями появления того существа в нашем мире стали миллиарды людей. Уничтожение Иерусалима и появление этого существа заставили весь мир задуматься об истинном учении Бога. Понимаете, в истории человечества существовало множество религий, но их истоки кроются в глубине веков. Учения и наставления, летописи и Евангелия переписывались сотню раз, теряя определённую долю смысла, свидетелей появления того или иного Бога нет, но тут... Тут мир увидел что-то настолько величественное и божественное, что сомнений о существовании Бога у людей не осталось... Несомненно, Багровое Утро войдёт в мировую историю, как день, когда в обществе появилась новая, глобальная религия... То, что произошло в тот день, вряд ли можно будет когда-либо объяснить... Мы все своими глазами видели, как нечто появилось в нашем мире... Зачем и почему – никто объяснить не может. С какой целью Оно пришло в наш мир – тоже остаётся загадкой. Узнаем ли мы ответы на все наши вопросы о событиях Багрового Утра? Возможно. Но когда? После Багрового Утра Нью-Йорк стал центром новой мировой религии. Для верующих тот день стал днём нового летоисчисления...

Часть 1

Глава 1

Кристофер Андерсен Кувейт

«Ламборджини-Элементо» – слева. Справа от меня – «Порше-Каррера». Я крепко сжимаю руль «Доджа-Челленджера». Я знаю, что с этой машиной мне вряд ли повезёт вытянуть эту гонку, но по обеим сторонам горячей дороги толпа, выкрикивающая наши имена, хочет, чтобы мы спалили покрышки ещё на старте, дав им понюхать запах жжёной резины. Толпа хочет, чтобы мы сорвались в горизонт из белого облака едкого дыма и разорвали друг друга на этой трассе. Неоновые кольца по радиусу колёс «элементо» бьют по глазам даже в этот яркий, знойный день в раскалённой пустыне недалеко от Эль-Джахра. Я замечаю взгляды людей, и эти взгляды тяжелее тысячи тонн в этот момент. Светофор горит красным. Девушки в солнцезащитных очках машут своим парням, которые сидят за рулём по обе стороны от меня. Моих болельщиков здесь нет. Я приехал сюда, потому что мой старый друг Джозеф из Эль-Кувейта, владелец кафе, дал мне шанс погасить мой долг перед другими, такими же, как и он, теми, кто давал мне тачки, чтобы я гонял и выигрывал для них проценты. Но я не выигрывал. Последние гонки закончились провалом. На мне будто проклятье: то мотор перегрелся, то столкнут с трассы, то ещё какое-либо дерьмо. Так было не всегда. Было время, когда меня называли Кристофер-Ветерок. Я был лидером на любом заезде. Спонсоры давали мне тачки, я выигрывал, отстёгивал проценты, затем ещё выигрывал, тратил выигрыш на прожигание своей жизни. Это было прекрасное время. Вокруг меня всегда кружили девушки, тёрлись об меня и сиденья моих машин своими задницами. Мне нравилось это. Нравилось жить одним днём и не о чём не задумываться. Я сливал тысячи долларов за вечер и был уверен, что завтра будут ещё деньги. Педаль в пол, свистящий ветер и рёв зверского мотора, затем финиш, кипа денег и шлепок по жопе какой-нибудь суке – день прожит не зря. По вечерам я чувствовал упругость кожаных диванов в приват-комнатах клуба и сладость духов девушки, прыгающей на мне. Но победы закончились. Закончились деньги. С ними исчезли девушки. Белая полоса закончилась, началось полное дерьмо, и началось это с того, что моему родному младшему брату Колину дали пожизненное. Он не виновен. Я думаю так не потому, что он мой родной брат. Он просто сел в тачку, в которой помимо него находились двое ублюдков, которые везли 15 килограммов героина на сбыт. Один успел свалить. Второй свалил всё на Колина. Оправдываться в суде было бессмысленно, я слил все деньги на адвоката, но полиция взяла Колина прямо в той тачке, а значит, он был пойман с поличным. Колину грозила смертная казнь за такое количество наркоты, но ему повезло в том, что за пару дней до этого вышел закон, заменяющий лишение жизни на лишение свободы длиною в остаток жизни. Адвокат сделал всё, что смог. Колин сел. Навсегда. Это был переломный момент в моей жизни. Я потерял сон, уверенность, огонь в сердце и дух победителя. С тех пор я переезжаю от одного спонсора к другому, уговариваю, мне дают тачку, я проигрываю, влезаю в долги, получаю в морду, сваливаю, ищу спонсора, проигрываю, влезаю в долги, получаю в морду. И вот я здесь. Кувейт. Знойная трасса воняет плавленным асфальтом. Толпа кричит, но я не слышу своего имени. Я давно его не слышал из уст болельщиков. Как и сейчас я не ловлю на себе восторженных взглядов. Ребята и девушки смотрят на моих соперников, а не на меня. В толпе я мельком замечаю смуглого человека в белоснежной рубашке и чёрном галстуке, который с задних рядов спокойно смотрит мне в глаза сквозь солнцезащитные очки. Сквозь лобовое стекло я вижу рябь на горизонте дороги.

Раздражающий рёв «элементо» режет слух. Яркий, лимонный цвет «карьереры» режет глаза. Я сжимаю руль «челленджера» крепче. Шансы есть, и, может быть, именно эта гонка вытянет меня с самого дна? Думал ли я так в предыдущую гонку? Я не помню. Светофор горит оранжевым. Я прогреваю покрышки, давя на газ. Выбиваю из-под задних колёс клубы белого, густого дыма. Толпа замечает это и обращает на меня внимание. Крики усиливаются. Моё сердце стучит сильнее. Конкуренты в соседних машинах смотрят на меня. Я смотрю на светофор. Зачем я продолжаю гонять, даже когда я на самом дне и мой брат в тюрьме до конца дней? Просто в этой жизни я ничего не умею кроме того, что давить на педаль и крутить руль. Я – Кристофер Ветерок. Я живу этой дорогой. Зелёный свет светофора загорается для меня как второе солнце, и все три тачки взрываются рёвом. Меня вжимает в кресло и пульс останавливается. В первые секунды я вырываюсь вперёд, оставляя конкурентов позади. Следующая передача. «Челленджер» хочет ещё. Он говорит, что это не предел. Он говорит, что это был хороший старт, но нужно не терять бдительность. Вижу ублюдков в зеркале заднего вида. Они разгоняются медленнее, но скоро они догонят меня.

Стрелка спидометра касается ста восьмидесяти.

Передача.

190.

«Каррера» догоняет меня. Его жёлтый цвет, как отвлекающий манёвр, кидается в глаза, отвлекает меня. «Элементо» идёт на обгон слева. Я включаю следующую передачу. Кнопка закиси азота на руле, под большим пальцем. Если не обогнать «элементо» сейчас, то потом мощности на это не хватит. Она показывает сейчас силу, а набрать скорость позже ей просто не хватит времени. Я жму кнопку закиси, и «челленджер» с рыком вырывается вперёд на полметра. «Каррера» жёлтым пятном маячит в правом боковом зеркале. Руль начинает дрожать, по звуку из-под капота я понимаю, что что-то не так. До финиша ещё четверть мили. Стрелка спидометра переваливает за двести десять, и с глухим, громким взрывом капот «челленджера» взлетает в воздух, белый дым закрывает мне весь обзор. Педаль тормоза. Ненавистный свист покрышек и унижительный шум пролетающих мимо конкурентов. «Додж» не успевает затормозить, его шатает из стороны в сторону, и в конце концов, подняв целое облако желтой придорожной пыли, я останавливаюсь на обочине.

Гонка окончена.

Я проиграл, не доехав до финиша. Поднявшаяся пыль медленно обволакивает машину, скрывая меня от позора. Я утыкаюсь лбом в руль. Стараюсь сохранять спокойствие. Бью изо всех сил кулаком по рулю. Потом по панели. С оскалом топчу ногами педаль.

– Сука-а-а-а! Сука! Сука! Сука! Дрянь! Что?! Что не так, сука?!

Я слишком близко от толпы зрителей, чтобы они не заметили моего провала. Я слишком далеко от толпы зрителей, чтобы они слышали мои крики. Открываю дверь, но ремень безопасности не даёт мне вылезти. Шипя себе под нос оскорбления в адрес синего «доджа», я выхожу из машины и хлопаю дверью. Пыль бьёт мне в нос. Я чихаю, и это бесит меня ещё сильнее. Со всей силы бью по колесу, и сильная боль пронзает ногу. В салоне раскрываются подушки безопасности. Я облакачиваюсь левой рукой о крыло и тут же обжигаю руку. Перед «доджа» раскалён, как котёл дьявола. Хватаюсь другой рукой за больную ногу, и в этот момент капот с грохотом приземляется на асфальт рядом со мной, от испуга я отскакиваю. Потеряв равновесие, я падаю на пыльную обочину у переднего бампера. Дерьмо. Это дерьмо продолжается. Оно никогда не закончится. Провал за провалом. Поражение за поражением. Опять и опять. Я снова проиграл, и я снова упал лицом в грязь.

– Хватит, – шепчу я, прикрыв ладонью глаза.

Додж перегорел. Конкуренты, наверное, уже веселятся на финише. А я здесь. Дышу придорожной пылью. Всё. Хватит. Моё время прошло. Пора это признать. Я перегорел, как этот «додж». Моя удача промчалась мимо в очередной раз и ушла вдаль, как «Ламборджини-Эле-

менто». На этом всё. Это была последняя попытка. Осталось только стерпеть ещё один удар от Джозефа и ступить с миром. Я присаживаюсь, склонив голову. Пора возвращаться на старт. Пешком. Выдержать насмешки девок и парней, найти Джозефа, постараться всё объяснить и не получить от него в челюсть. Потом слиться обратно в Штаты, к матери. Она ждёт меня. Ждёт нас обоих. И Колина тоже. Даже после приговора её сыну она продолжает ждать. Пора возвращаться домой, с меня хватит. Приеду обратно и начну всё заново. Я встаю на ноги, слегка отряхиваю чёрные джинсы. Прихрамывая, я медленно ковыляю обратно. Отсюда слегка слышны крики толпы и девчачий визг. Чтобы стараться не думать о провале, я вспоминаю, как мама, после того как Колина посадили, просила меня покрасить веранду. Я вроде пообещал, а потом забыл. Или не забыл, а просто не стал этого делать. Потом я уехал и оставил маму хлопотать одну. Я всегда был ветреным парнем. Никогда не сидел на месте. Колин был не таким. Он был умнее. Он хорошо учился в школе, затем в колледже. Он не такой, как я, более спокойный, сдержанный, вежливый с девушками. Маленький засранец всегда был немного позади меня, я обгонял его почти во всём: в гонках на велосипедах в детстве, в количестве девушек, в количестве друзей, в моральном взрослении. Единственное, в чём я не обогнал его – это в любви к матери. Он всегда помогал ей больше, чем я, в то время как меня приходилось на это уговаривать. Бедняга Колин. Братишка. Как всё изменилось, если бы ты знал, если бы видел. Истеричный, пьяный, девчачий визг девушек становится ближе. Еще буквально пару часов – и всё, моя гонка окончена навсегда.

Из толпы выходит Джозеф – толстый смуглый мужик с черной щетиной, лет тридцати пяти, в белой рубашке с пальмами. Он уверенно направляется прямо ко мне, его щёки трясутся от быстрых шагов. Сейчас начнётся.

– В чём дело?!

– Я перегорел.

– Перегорел? В смысле?

– Движок перегрелся... Я... Я не знаю... – Я прохожу мимо него, он догоняет меня.

– Не знаешь? Ты сам собирал эту тачку! Я вложил в гонки, чтобы ты поднял деньги!

Ты говорил! Ты говорил, что ты часто побеждаешь!

– Так было раньше. Прости. – Я отряхиваю ладони от пыли и стараюсь не смотреть ему в глаза. Публика продолжает веселиться, играет музыка, Джозеф кричит громче.

– Раньше? Что значит – раньше?! Ты... Ты сел за руль не уверенным в том, что победишь?

– Так получилось. – Я пытаюсь сказать как есть, отговорки тут не помогут. Я и не хочу отговариваться, я просто хочу, чтобы этот день закончился.

– Что значит... Ты знаешь, сколько я вложил в эту тачку?!

– Мне жаль.

Он не выдерживает и бьёт меня кулаком куда-то в область уха, затем всем телом наваливается на меня, обхватив за шею, и мы оба падаем на асфальт. Толпа расходится в стороны, Джозеф наваливается сверху, и прежде чем двое парней стаскивают его с меня, он успеваает хорошенько приложиться мне по зубам.

– Сука! Ещё раз я тебя увижу... – его голос затихает где-то в толпе, смешивается с музыкой и хохотом. Ребята со стаканами пива в руках смотрят на меня, я всё ещё на земле. Чувствую солоноватый вкус крови на языке. Вот и всё. Пора сваливать. Я встаю на ноги и, прикрывая рот ладонью, двигаюсь сквозь бушующую толпу. Зрители продолжают веселиться, девушки хохочут, размахивают лифчиками, парни пьют пиво. Для меня на сегодня праздник закончен. Он закончился несколько месяцев назад с арестом моего брата.

Я иду в сторону города по обочине дороги, покинув этот карнавал. Губы болят от удара, я то и дело сплёвываю кровь. Жара создаёт прозрачную рябь на горизонте дороги. Солнце печёт голову до такой степени, что можно жарить яичницу. Слева от меня – поворот на заправку.

До города ещё далековато, и эта мысль заставляет меня сунуть руку в карман и проверить наличие мелочи. Я решаюсь купить бутылку минералки в автомате около входа в заправку.

Автомат медленно съедает банкноту, и я выбираю нужную бутылку. Ничего не происходит. Я жму квадратную кнопку ещё раз. Автомат, кажется, умер. Или уснул. Ему плевать, что он обманул меня. Я хлопаю ладонью по металлической стенке, но ему плевать. У меня нет больше сил злиться на неудачи в моей жизни, поэтому я просто разворачиваюсь в противоположную сторону и продолжаю идти. Замечаю большую резиновую покрывку недалеко от заправки и решаю передохнуть. Подошвы кроссовок горят от раскалённого песка. Я присаживаюсь на покрывку и отряхиваю джинсы. Какой дальнейший план? У меня есть ещё немного сбережений, сегодня же куплю билет до Штатов, завтра буду там. Вернусь к матери. Помогу ей поднять дом. Поднимусь сам. И начну всё заново. Наверное, моё время прошло, может, вся причина в том, что время идёт, всё меняется, и старые дела и увлечения уходят в прошлое? Может, мне суждено было быть лучшим только определённый срок? Это уже не важно, всё стало как стало. Раз так сложилось и ничего исправить не получается, то остаётся плыть по течению. В таких случаях течение всегда приносит нас в родительский дом.

– Кристофер Андерсен? – раздаётся чей-то голос недалеко от меня.

Я не поднимаю глаза, но слышу, как человек, произнёсший моё имя, идёт в мою сторону. Мне плевать, кто это. Здесь я больше никого не знаю и знать не хочу.

– Отвали, – отвечаю я.

Человек подходит ко мне и протягивает мне бутылку минералки. Как раз ту самую, которую зажал автомат. Я поднимаю глаза вверх и сквозь слепящие солнечные лучи вижу смуглого человека в белоснежной рубашке. Я беру бутылку у него из рук, но ничего не отвечаю. Открываю крышку, и бутылка с шипением брызгает во все стороны, обдав меня булькающими брызгами. Я прислоняюсь губами к горлышку и, опрокинув голову, пью воду, при этом сжимаю бутылку рукой, чтобы быстрее осушить её. Одним прищуренным глазом я смотрю на него. Этот мужик не уходит. Стоит рядом и просто смотрит на меня. Я отрываюсь от бутылки, с облегчением выдыхая.

– Надоело проигрывать? – спрашивает человек.

– Пошёл ты.

– Когда-то ты был лучшим.

– Повторяюсь – отвали.

– Я пришёл, чтобы...

– Мне плевать, зачем ты пришёл, убирайся! – Я начинаю грубить и снова налегаю на бутылку. Мужик в белой рубашке и брюках не уходит. Ему явно что-то нужно от меня. Но мне плевать. Он выдерживает паузу, затем делает еле слышный вдох.

– Послезавтра Колина освободят.

Я поднимаю на него взгляд. Человек с чёрной щетиной, со смуглым лицом, чуть старше меня. Я никогда не видел его раньше. Хотя нет, стоп, я видел его несколько минут назад, в толпе, на самом старте.

– Что?.. Кто ты такой?

– Меня зовут Адиль Миннияр, я глава корпорации ЮниКорп.

– Повтори... что ты сказал про моего брата? – Я ставлю бутылку на землю и медленно встаю с колёса, пристально всматриваясь ему в глаза.

– Послезавтра твой брат будет на свободе.

Я не знаю, что ответить ему. Он говорит о заключении моего брата, о том, что не стоит обсуждать со мной. От этого я иногда прихожу в ярость, ведь те, кто обычно обсуждает эту тему со мной, либо полицейские, которых я не переносю, либо моя мама, которая после «посадки» Колина отчасти винила в этом меня, мол, мой брат пошёл по моим стопам, и этот путь привёл его к пожизненному. Но этот человек... Он не похож на полицейского, он не ведёт допрос,

не пытается узнать подробности того дела. Он лишь сообщает, что Колин вот-вот будет на свободе. И это не укладывается у меня в голове.

– Кто ты такой?.. – повторяюсь я, не найдя других слов.

– Я только что сказал тебе, – отвечает он с еле заметной улыбкой.

– Как... Как это возможно? – Я запинаясь, у меня много вопросов, но мысли об этом крутятся у меня в голове, как в стиральной машинке. Я вылавливаю часть из них и пытаюсь произнести хоть что-то, ведь эта новость сбивает меня с ног.

– Давай присядем, – отвечает он и со вздохом садится на большое колесо, я остаюсь стоять как вкопанный, наблюдая за ним, и желаю уловить любое его слово, которое хоть как-то поможет мне понять всё это.

– Перейду сразу к делу, Кристофер, – начинает он. – У тебя множество вопросов, и я постараюсь объяснить всё и сразу. Через несколько дней у меня будет важное дело, ничего такого, что связано с бизнесом... э-м-м-м... Нечто большее, чем просто бизнес, – он произносит последнюю фразу с улыбкой, глядя на меня, – и мне нужен человек... для перевозки одного груза. Очень важного.

– Контрабанда? – перебиваю я.

– Нет... Никакой контрабанды, наркотиков или чего-то подобного. Ничего запрещённого. Это... нечто большее... – он снова слегка улыбается, и это настораживает меня.

– Что за груз?

– Увидишь, когда возьмёшься за дело. Скажу одно, Крис, на освобождение твоего брата я потратил огромные деньги, но всё это меркнет по сравнению с тем, какую услугу ты окажешь мне, если согласишься помочь. Откажешься – и Колин всю оставшуюся жизнь будет носить оранжевую робу.

– Почему я?

Он встаёт с колеса и подходит ко мне почти вплотную.

– Потому что ты мотивирован... – отвечает он почти шепотом. – Мне нужны именно такие люди. У меня огромные связи, я знаю о тебе многое, знаю многое о твоём брате... Я искал что-то подобное, такого, как ты, чтобы помочь... Взамен на услугу.

– Расскажи подробнее... – спрашиваю я, желая узнать наверняка, что меня ждёт. Я ловлю себя на мысли, что я уже согласился.

– Через несколько дней в Нью-Йорке ты должен будешь ждать в условленном месте, в машине, которую я тебе дам. К тебе сядет человек, у которого будет при себе тот самый груз. Ты просто доставишь его и посылку в другую часть города. Там тебя встретят... Там ты встретишь Колина, и на этом всё.

– Так просто? – спрашиваю я, посмотрев ему прямо в глаза.

– Да, Крис... Так просто. Мне нужен мастер за рулём, когда речь идёт о перевозке подобных грузов. Я хочу быть уверен, что этим занимается профессионал, и не нужно говорить, что это не так...

Он говорит это почти мне на ухо, слегка тыча указательным пальцем мне в грудь. Его речь жесткая и уверенная.

– Ты проигрывал десятки раз, да, но удача не покинула тебя, Крис, она не покидала тебя никогда... Я знаю, тебе надоело всё это. Ты хочешь вернуться с Колином обратно к матери и начать всё заново. Я даю тебе этот шанс. Тебе просто нужно сделать это в последний раз... – Он выдерживает паузу... – Финальный заезд, Крис...

Я знаю, я чувствую, что я уже согласен, но мне не верится в это, слишком быстрый поворот событий, слишком быстрый наплыв информации и мало времени, чтобы обдумать. Колин сел на пожизненное, такие вещи не исправить, но этот человек, он... Он даёт единственный призрачный шанс выпустить моего брата на свободу, и я не могу не попробовать. Он огляды-

ваются по сторонам, затем с лёгкой улыбкой смотрит мне в лицо, я же слегка опускаю голову и смотрю в землю, чтобы немного успеть переварить всё это.

– Я дам тебе самую быструю тачку в мире...

Я не отвечаю. Мне плевать на тачку, я лишь хочу поскорее начать дело.

– Я согласен, – вдруг отвечаю я, – где и когда?

– Уверен?

– Да.

– Точно?

– Чёрт, да! А какие ещё есть варианты?

Он достаёт из заднего кармана брюк бумаги.

– Вот билеты до Нью-Йорка на твоё имя, вылетаешь сегодня...

– Уже сегодня? – спрашиваю я, не ожидая, что всё настолько быстро.

– Вэст-Стрит, 54, там забронирован номер, будешь ждать там. Тебе позвонят и скажут, куда прибыть. Затем придёшь туда, куда скажут, там найдёшь свою машину и будешь ждать.

Что будет дальше, запомнил?

– Да... Ко мне сядет человек.

– Да. В машине будет навигатор, путь будет проложен, как только вы тронетесь. И не опоздай.

С этими словами он уходит прочь, слегка хлопнув меня по плечу. Я смотрю ему вслед и вижу, как к нему подъезжает «роллс-ройс» с водителем.

– Что за машина будет меня ждать? – громко спрашиваю я.

Он слегка оглядывается на меня через плечо и с улыбкой отвечает:

– Увидишь.

Глава 2

Быстрее ветра

Мак Тоунвэд

Кувейт

Я бегу по резиновой дорожке стадиона на последнем дыхании, так быстро, как только могу. Солнце печёт моё лицо и плечи. Пот заливает глаза, а на ноги будто повесили по тонне. Но останавливаться нельзя, мне важен результат. Лёгкие болят, и это заставляет меня скалиться. Последний круг вот-вот закончится, и на финише меня ждёт тренер с секундомером в руке. Я ускоряюсь, насколько позволяет мне мой организм. На последнем вздохе пересекаю финишную черту. Слышу писк кнопки секундомера, пробегая мимо тренера. Ещё несколько метров я бегу по инерции и останавливаюсь, завалившись на мягкий газон. Сердце стучит, как у скаковой лошади, дыхание в бешеном ритме. Боль в ногах. Боль в лёгких. Боль в горле. Мне приятна эта боль. На протяжении многих лет я занимаюсь бегом, заразился этим ещё в школе. Завоёвывал кучи медалей, почётных грамот, похвал, но это лишь куски металла, бумажки и слова. Пару лет назад у меня появилась мечта. Я стал тренироваться сильнее и интенсивнее, чтобы быть достойным соперником для тысяч бегунов на сверхмарафоне де Сабль в Африке. Каждый год он привлекает тысячи спортсменов со всего мира. Есть множество разных марафонов и сверхмарафонов, но этот, путь которого составляет 251 километр, длится шесть дней, пролегает через пустыню Сахара в Марокко. Наверное, этим он и зацепил меня. Не столько важно в нём расстояние и путь, сколько условия. Пробежать через мёртвую пустыню и прибыть первым из нескольких тысяч – это нечто большее, чем просто победа. Смысл даже не в победе. Узнать, смогу ли я? Узнать, что именно я могу? Испытать себя, как никогда. Это гонка для меня станет самым невероятным приключением, даже если я просто буду участвовать. Но прийти первым... Это дано не многим, да, возможно, и не мне, но попробовать стоит. Я считаю, что сам путь может быть гораздо важнее, чем финиш. Да, у меня может ничего не получиться, но я хочу попробовать. Хотя бы попытаться, узнать себя в этой гонке. Найти в этом что-то философское, чем просто беготня на край света. Я всю жизнь бегаю. Я привык к шуму в ушах и бешеному ритму сердца. Это моё. И я в шаге от своей мечты.

– Неплохо, Мак.

Тренер подходит ко мне и садится на корточки рядом, склонившись надо мной.

– Но для де Сабль не так уж и «неплохо».

– Будут ещё тренировки, – отвечаю я, закрыв лицо руками, чтобы солнце не слепило меня.

– Не так много времени осталось...

– Да, я знаю... Знаю, тренер... Я буду выкладываться... Выкладываться по полной... Как сегодня... – я улыбаюсь тренеру, я рад, что показал «неплохой» результат.

– Там будут сильнейшие со всей планеты...

– Да... – отвечаю я, – но и я не сижу на месте. Сегодняшний день не прошёл впустую, сегодня я стал немного сильнее... Завтра будет ещё день, ещё тренировка...

– Да. Восстанавливался, отдыхай. Завтра, в это же время.

Тренер оставляет меня одного, я продолжаю восстанавливать дыхание. Газон такой мягкий, что не хочется вставать с места. Погода такая, что хочется лежать на этом месте, как на пляже. Пройдёт время, и я вспомню эти тренировки, эти моменты, когда изо дня в день я шёл напролом через боль и усталость, чтобы принять участие в самом безумном забеге в моей жизни. Мне больно и хорошо одновременно. Я убираю руки от лица, и солнце снова начинает

нешадно слепить. Это заставляет меня закрыть глаза. Я медленно подминаю веки и вижу перед собой... белый потолок. Голова кружится, в глазах слегка расплывается. Рядом со мной окно, за которым я вижу звездное небо. Я осматриваюсь. Я на больничной койке в самом углу пустой просторной палаты. В голове жутко гудит. Я хочу дотронуться до лба правой рукой, но из-под белой простыни появляется обрубок, обмотанный белым бинтом, с проступающим пятном крови на конце. Моя правая рука обрезана по локоть. Первые доли секунды я не понимаю, что происходит. Настолько непривычно видеть, что не хватает какой-то части тела, что сначала в это не верится. Я начинаю дышать сильнее. Убедившись, что это действительно так, что половина руки отсутствует, я слегка трогаю бинт левой рукой. Я не могу поверить в происходящее. Я медленно и протяжно взываю от паники и страха. Осматриваю палату, понимаю, что это не сон. Ещё раз трогаю бинт на руке. Появляются слёзы.

– Что... Что произошло...? – шепчу я сам себе. Мой рот искривляется из-за дрожащих губ, слезы скатываются по щекам, и я чувствую их солёный вкус.

Я пытаюсь подняться, но слабость в теле не даёт этого сделать.

– Кто... – скулю я, – кто-нибудь... что... что произошло...

Я дышу тяжело и с выдохом выдавливаю из себя тихий вопль от шока и страха, слышимый только для меня одного. Никто не приходит. Никто не хочет объяснить, что произошло. Никто не слышит меня. Я пытаюсь закричать, но у меня как будто ком в горле от плача и слёз, я не могу промолвить и слова громче мыши. Что я должен делать? Позвать сестру? Или кого? Что мне крикнуть? Больница ли это? Я ловлю себя на страшной мысли, что мне действительно нужно позвать сестру или врача, а значит, я уже признал, что я и вправду в больнице, и это реальность, а не сон. Это наяву. Переваливаюсь на локоть левой руки, слегка привстаю. Опять осматриваю палату. Передо мной – дверь в туалет с ванной с мутным полупрозрачным стеклом. На потолке ярко светят трубчатые лампы, как всего минуту назад надо мной светило солнце.

– Кто-нибудь... – шепчу я себе под нос. Голос сел, я осип. Ком в горле встал как кость. И в этот момент я замечаю какую-то странную лёгкость в своём весе. Мой взгляд падает на белую простыню, и мне кажется странным то, как оно повторяет фигуру моего тела ниже пояса. Я снова ложусь на спину и медленно левой рукой, затаив дыхание, откидываю простынь. Мои ноги ампутированы до середины бедра. По мне пробегает жар, дыхание учащается, становится тяжёлым, в глазах белеет от страха, в ушах звенит от шока. Я вскрикиваю во всю глотку через боль в горле. Врачи. Их руки, пытающиеся держать меня. Укол успокоительного. На глаза накатывается полупрозрачная пелена. Моё тело, точнее то, что от него осталось, обмякает. Я впадаю в забвение.

День первый

Снова этот потолок. Снова это окно. Эта палата. Эта реальность. Я не уснул на том мягком газоне, и это – не сновидение. Рядом дежурит пожилая медсестра. Она возится с капельницей, нависшей надо мной.

– Что со мной?..

Она обращает на меня внимание.

– Авария. Вам повезло, что вы живы.

– Что?.. Какая... авария?

– Фура выехала на встречную полосу, когда Вы ехали по трассе.

– Я не помню этого...

– У вас сотрясение и шок. Провал в памяти – это характерно для такой страшной аварии. Чудо, что Вы живы, Вас буквально выковыривали из машины.

В голове тяжесть. В глаза бьёт солнечный утренний свет. Вот он, новый день. Он должен быть таким же продуктивным, как и сотни дней до него. Я ещё плохо осознаю произошедшее.

Вернее, вообще не осознаю. Медсестра ушла. Я снова один. Прихожу с чувства. Авария? Я был в аварии? После тренировки я всегда еду домой на своём стареньком белом «кадиллаке», но ни разу не попадал в аварию. Я не помню ничего такого. Последние воспоминания – я валяюсь на газоне стадиона. Но что мне делать теперь? Потерю руки ещё можно пережить, но потерять ещё и ноги... Мечты вылетели в трубу, о них можно забыть. Можно забыть о работе, семье, обычной, нормальной, полноценной жизни. Я снова приподнимаю простыню, чтобы посмотреть на то, что осталось. От ног осталось около тридцати сантиметров. Это уже не ноги. Я стал овощем, которому трудно даже перевернуться на бок. В один момент авария, которую я даже не помню, перечеркнула всё. Как теперь мне передвигаться? Как жить или пытаться жить с этим? Я молод, впереди меня ждало создание семьи, я должен был увидеть, как мои дети пойдут в школу, вырастут. Что теперь меня ждёт? И ждёт ли?

Я слышу какое-то раздражающее гроыхание в коридоре. Вращающиеся маленькие колёсики слегка подскакивают на стыках напольной плитки, заставляя звенеть железную посуду. Я слышу, как кто-то останавливает тележку с баландами у каждой палаты, затем с грохотом и лязгами толкает её дальше. Так что же теперь делать? Где тренер? Почему он не рядом? Или он ещё не знает? Который сейчас час? Может, он ждёт меня на стадионе? Поймёт ли он, что что-то случилось, когда не дождётся меня?

Тележка останавливается около моей палаты, как вагон метро на остановке. Через приоткрытую дверь я вижу, как толстая женщина в синем халате возится с баландой. В палату медленно попадает запах пресной пищи. Женщина медленно проходит в дверной проём, аккуратно неся баланду перед собой, чтобы не разлить содержимое.

– Нет, – говорю я, отказываясь от пищи.

– Завтрак, – отвечает женщина с доброй улыбкой.

– Нет... Я... Я не хочу...

– Вы потеряли много сил, это вам поможет, – её голос звучит заботливо, и так по-доброму.

– Мне не до еды...

– Нужно покушать. Вы не ели уже больше суток.

– Нет! Я сказал нет! Сука! Нет!

День второй

За два дня я ни разу не перевернулся на бок. У меня вообще нет сил и желания шевелиться. Я не хочу есть. Не хочу пить. Не хочу с кем-либо разговаривать и на кого-либо смотреть. Весь день, с самого утра, я смотрю в пустую стену рядом с кроватью. Вокруг меня суетились какие-то врачи, кто-то из них приносил мне утку, но я не обращал внимания, и просто пялился в стену. Мне стало безразлично абсолютно всё. Даже я сам. Хочу ли я существовать теперь? Этим вопросом я впервые задался сегодня утром. Этим вопросом я задался вообще впервые в жизни. У меня была подвижная жизнь, теперь я овощ. У меня была мечта. Она улетела вместе с моими ногами. К середине дня у меня затекает шея, и я всё-таки решаюсь повернуть голову. Сквозь полупрозрачные стёкла дверей я смутно вижу, как над ванной висит занавеска. И в этот момент эта мысль впервые посетила меня. Я не ужаснулся ей. Я впустил её к себе в голову, приняв её за единственное решение моей проблемы. Мне стоит подумать об этом. Времени у меня теперь много.

День третий

Я решаюсь немного поесть. Пресная слизистая овсяная каша вязко тянется, как сопли. Меня хватает, чтобы засунуть в себя всего пару ложек. Бросаю ложку обратно в тарелку

и прошу убрать баланду. Мысль о ванной комнате взбудрила меня. Неужели я действительно решусь на это? Что произошло? Да, я потерял половину своего тела, но я оказался слишком слаб духом, чтобы принять себя самого таким, каким я теперь стал. Я не смогу продолжать дальше. Дорога в спорт теперь закрыта. Про создание семьи теперь можно забыть тоже. Теперь можно забыть абсолютно про всё, кроме инвалидного кресла, пособий и сериалов по кабельному целыми днями, чтобы скоротать остаток жизни. Да, тысячи людей живут без ног и рук. Но тысячи – не я. Пусть живут, как хотят, пусть принимают себя, каким хотят. А я не могу. Я всегда думал, что я сильный духом парень, что я уверен в себе и не менее уверенно иду к своей цели, думал, что силы воли во мне – хоть отбавляй. Я ошибся. Я был готов проигрывать в разных моментах, готов проигрывать в спорте, без этого никак, да, но... Это совсем другое. Я дам себе ещё время до завтрашнего утра, чтобы подумать об идее с ванной. До утра.

День четвёртый

Я решаюсь на это. Определённо. Без всяких сомнений. Примерно час назад ко мне заходил доктор, молодой мужчина, старше меня. Он говорил, что сочувствует мне и что завтра меня выпишут. Уже завтра они хотят выпустить меня в новый для меня мир, где я буду обузой для окружающих, для родителей, где я буду медленно ползти по тротуару на инвалидной телеге и тормозить прохожих сзади, буду просить людей затолкать меня в автобус, буду просить придержать мне дверь или нажать кнопку домофона, до которой я не достаю. Нет, так не пойдёт. Я был чемпионом, я не позволю жизни сделать из меня каракатицу, не позволю скатить меня в самый низ. Я был лучшим, достойным лучшего, я и уйду, как лучший. Я судорожно, не веря своим собственным словам, попросил доктора прикатить мне инвалидную коляску, чтобы позже медсестра помогла залезть в неё. Я сказал, что хочу начать привыкать к ней и что позже попробую выкатиться в коридор, оттуда кто-нибудь поможет выехать на улицу, глотнуть свежего воздуха. Он поверил. И вот я снова один в палате. Эта чёрная телега стоит перед моей койкой. Врач только что ушёл, времени у меня не так много, я не хочу, чтобы кто-нибудь увидел меня в ванной и остановил. Я приподнялся на левый локоть и смотрю то на ванную, то на коляску. Сердце бешено колотится. Я решаюсь или нет?

– Выбери Мак, – шепчу я сам себе дрожащим голосом, – Да? Или нет?

Секунды тянутся. Это последние секунды, когда я стою на пороге переломного момента. Стоит сказать самому себе «да», и это дерьмо закончится для меня. Я шепчу:

– Да...

Лёжа на спине, левой рукой я подкатываю инвалидное кресло ближе, слегка разворачиваю к себе. Затем извиваюсь на койке, чтобы принять нужное положение, ложусь головой к креслу. Опять извиваюсь, медленно ползу к креслу, начинаю понемногу сползать в него. Когда я спиной уже лежу в кресле, помогаю себе единственной рукой и, раскорячившись, пытаюсь сесть. Это даётся мне с огромными усилиями, я потею, злюсь, стискиваю зубы от злости, но в итоге добиваюсь своего. Перевожу дыхание. Теперь следующий этап – путь до ванной комнаты на инвалидном болиде с одной рукой, который для меня будет длиннее, чем марфон де Сабль. Пробую катиться вперёд, кручу левое колесо рукой – кресло чуть двинулось вперёд, но при этом повернуло вправо. Тянусь рукой к правому колесу, пытаюсь крутить его, но левой рукой крутить правое колесо невозможно, кресло сдвинулось разве что на пару сантиметров. Времени мало, такими темпами я никогда не сделаю задуманное. Цепляюсь рукой за соседнюю, пустую койку, подтягиваюсь к ней. Хватаюсь ещё раз, подтягиваюсь, сдвигаюсь ещё на полметра в сторону ванной. И вот я уже сдвинулся на пару метров. Срываю с койки белую простыню, она ещё понадобится. Крутя правое колесо, разворачиваюсь лицом к соседней койке, спиной к дверям в ванную. Отталкиваюсь. Кресло проезжает полтора метра, и вот я уже у дверей. Пот стекает по лицу, рука онемела. Какие усилия мне пришлось приложить,

чтобы проделать этот путь. А они хотят выписать меня уже завтра? Нет, я не выйду из этой больницы инвалидом. Открываю дверь. Держась за дверную ручку, подтягиваюсь, и нелепо, потихоньку, рывками вкатываюсь в ванную комнату. Голубая плитка от потолка и до пола. На полу – белый кафель. В дальнем углу – унитаз, посередине – белая металлическая ванна, над которой висела занавеска на тонкой, прочной верёвке. Вот оно. Я разворачиваюсь к дверям, снова отталкиваюсь, качусь задом. Кресло громко ударяется спинкой об край ванны. Держа рукой и впившись зубами, я делаю узел на простыне, на самом краю, чтобы он была тяжелее, и перебрасываю через верёвку, на которой держится занавеска. Узел, описав дугу, прилетает ко мне обратно, и я одной рукой хватаю его и другой конец простыни. Дёргаю изо всех сил, но верёвка не рвётся. Со злостью дёргаю ещё раз, один конец верёвки поддаётся, и целлофановая занавеска падает вниз, накрывая меня целиком вместе с коляской. Я рычу от злости на самого себя за то, что стал настолько беспомощным. Я злюсь на эту занавеску. На жизнь за то, что сделала из моего тела обрубок, incapable теперь ни на что. Я размахиваю одной рукой, пытаюсь освободиться, словно пилот, потерпевший падение и пытающийся выпутаться из парашюта. Я срываю занавеску с верёвки, и она остаётся висеть, одним концом прибитая к стене. Дёргаю её несколько раз и срываю её. Она очень прочная. И это для меня хорошо. Работаю зубами и рукой, крепко связываю оба конца, складываю получившееся кольцо пополам, в один конец, как в ушко иглки, пропускаю другой, получается петля. Другой конец вешаю на кран. Вот и всё. Этого достаточно. Прочности верёвки хватит, чтобы выдержать мой вес. Высоты от крана до дна ванны достаточно, чтобы смог вздёрнуться. Нагибаюсь над ванной и трясущейся рукой надеваю петлю на голову. Ну вот и всё. Нужно только наклониться и нырнуть в пустую ванну. Я уйду победителем. Судьба поимела меня, но я собираюсь сам выбрать свой конец.

Я задумался. Стискиваю зубы так, что они начинают болеть.

Пот скатывается с лица в пустую ванну. Она, с ржавой тонкой полоской во всю длину на дне, воняет хлоркой. Дыхание тяжёлое и частое. Я зажмуриваюсь. Нужно только слегка наклониться. Я открываю глаза, и слёзы скатываются по лицу. Губы начинают дрожать. Я сжимаю челюсти, пытаюсь не заплакать хотя бы сейчас, стараюсь не показывать самому себе слабость. Хочу уйти гордо и достойно. Нужно только наклониться. Я плачу навзрыд. Дышу через сжатые зубы, брызжа слюной. Нужно только наклониться ещё чуть сильнее. Я зажмуриваюсь, решившись свести счёты с жизнью, и начинаю наклоняться.

– Что ты делаешь? – раздаётся спокойный мужской голос у двери.

Я поворачиваю голову и вижу человека в строгом чёрном костюме с огромным чёрным кейсом в руке.

– Что? Ты кто? Уйди!!!

Человек с арабской внешностью ничего не отвечает. Он смотрит спокойно и ровно, не пытаясь отговорить меня, не пытаясь поддержать или утешить. Он стоит неподвижно у самого порога в ванную комнату. Его кейс настолько огромен, что туда поместилась бы виолончель.

– Зачем ты это делаешь? – спрашивает он.

– Какое тебе дело? Ты кто? Врач? Нет! Вали отсюда! Не видишь, я тут занят! – я говорю с надрывом, брызжа слюной, слёзы с каплями пота попадают мне в рот.

Он снова выдерживает паузу. Он даже не шевелится. Тень слегка падает на его лицо, отчего я не вижу его глаз. Он смотрит на меня спокойно, как-то иначе. Когда люди видят, что другой человек хочет свести счёты с жизнью, они обычно реагируют не так.

– Уйди! – продолжаю я, зная, что он вряд ли это сделает. – Не видишь?! Не видишь, кем я стал?! Дай мне сделать это! Дай! Я не...

Я закрываю глаза и реву что есть сил. Рукой держусь за край ванны. Лицо искривляется в плачущей гримасе. Слюни тонкой струйкой тянутся на дно ванны, ртом я вдыхаю запах хлорки.

– Я не могу так... – шепчу я.

Он наблюдает за мной, таким униженным... Просто стоит и смотрит. Смотрит, как в этой жизни я упал на самое дно, скатился до самого низа, с петлёй на шее, промокший от пота, пускающий слюну, морально разбитый, утопающем в собственном дерьме.

– Хочешь вернуть своё тело?

Эти слова пронзают меня. Я открываю глаза и сквозь слёзы пытаюсь разглядеть его.

– Что?..

Он не отвечает. Я почему-то слегка успокаиваюсь, но мне всё ещё кажется, что его слова мне послышались.

– Я тут принёс тебе кое-что, Мак.

Я не отвечаю. Я не знаю, что ответить. Он ставит кейс около двери, и звук раздаётся такой, как будто внутри что-то тяжёлое. Моё внимание заостряется на этом чёрном кейсе, и мне становится невероятно любопытно, как я смогу вернуть своё тело, и что он принёс мне.

Он медленно подходит, я продолжаю смотреть на кейс.

– Позволишь? – спрашивает он. Его голос звучит ровно, почти без эмоций.

Я перевожу взгляд на него, и он понимает, что я согласен. Он снимает с моей шеи петлю, я наблюдаю за его движениями. Не спеша он берётся за поручни коляски у меня за спиной и катит меня обратно в палату мимо кейса. Вблизи он ещё более громоздкий, чем мне казалось. Он подкатывает меня к тумбочке около моей кровати и разворачивает к себе. Я всё ещё в недоумении.

– Кто ты такой? – спрашиваю я.

– Меня зовут Гаяз. Гаяз Амоа. Я представитель корпорации ЮниКорп.

– Что... Что тебе нужно? Откуда ты знаешь моё...

– Мы слышали про тебя, Мак, – отвечает он, взяв в руки кейс. – Слышали, что с тобой произошло. Знаем, кем ты был. Знаем, о чём мечтал.

Он кладёт огромный кейс на койку слева от меня.

– Глава ЮниКорп, Адиль Миннир, искал таких, как ты. Мотивированных на нечто большее в этой жизни. Искал людей, которые готовы помочь ему в одном деле. Очень нелёгком. Взамен на новую, более... яркую жизнь. Мистер Миннир очень щедр. Он дарит людям новые судьбы, дарит всё, что необходимо для счастья. Взамен за услуги... Он просил передать тебе, что ему и нам всем, кто услышал о твоей беде, невероятно жаль, мы приносим свои соболезнования и от всей души сочувствуем.

Я не отвечаю. С открытым ртом я смотрю на него снизу, наблюдаю за его действиями. Вытираю слёзы с щёк и слюну с подбородка. Его голос звучит монотонно, немного хриловато, но так успокаивающе для меня. Его речь предельно вежливая и грамотная. Его движения элегантны и точны.

– В этом кейсе, Мак, то, что поможет тебе обрести нового себя. И это только начало.

Он щёлкает четырьмя замками на кейсе и открывает крышку. Я заглядываю внутрь. В чёрном поролоне аккуратно уложена какая-то металлическая штукавина. Она сложена пополам и раскрашена в тёмно-зелёный цвет. Я понятия не имею, что это, даже не могу припомнить, видел ли я когда-нибудь нечто подобное. Этот предмет ни на что не похож, не вызывает в памяти ничего, что я видел прежде. Парень медленно достаёт это из кейса и поворачивается ко мне.

– Доверься мне, Мак, ты ничего не почувствуешь, обещаю.

Я лишь перевожу взгляд на него, потом обратно на этот предмет.

– Покажи, что осталось от твоей руки.

Я смотрю на остаток правой руки и выставляю её вперёд. Он не спеша подносит этот предмет, и я вижу отверстие, как раз по диаметру подходящее под мою руку. Он надевает это на ту часть руки, что осталась, и она утопает по самое плечо. Парень медленно отходит от меня. Я осматриваю этот металлический предмет. Он цилиндрической формы, состоит из двух равных частей. Очень лёгкий, компактный. Я разглядываю его несколько секунд. Лёгкий щелчок раздаётся в области плеча, и вся эта конструкция резко раскладывается, отчего я подпрыгиваю от испуга. В следующую секунду я узнаю в разложившемся механизме металлическую руку. С круглыми от страха глазами отстраняюсь назад в спинку инвалидного кресла, наблюдая за тем, как она шевелится. Спустя пару секунд я понимаю, что ею шевелю я сам. Медленно, затаив дыхание, я подношу кисть руки ближе, чтобы рассмотреть. Прямоугольные фаланги пальцев зеленоватого цвета, из-под которых видны металлические суставы, предплечье – вся эта конструкция полностью повторяет мои движения.

– Это для тебя, Мак. Эта система считывает нервные импульсы, тем самым повторяет движения, какие ты задумал.

Я медленно кладу кисть механической руки на белую простыню своей койки справа от меня и немного провожу по ней. Я могу двигать рукой, но не могу чувствовать.

– Это бета-версия. Но ты можешь получить последнюю. И не только руку. Мы можем дать всё, чего тебе не хватает. Но это не всё. Ты не всегда будешь носить это на себе. Что если я скажу тебе, что в мире есть вещи, которые помогут тебе вернуть тебе твоё... настоящее тело? Как я уже говорил, взамен на услугу, оказанную мистеру Минниару.

Я перевожу взгляд на него.

– Какие вещи?

– Ты узнаешь, если согласишься помочь.

– Что за услуга?

– Мы знаем о твоей мечте, Мак. Ты хотел участвовать в марафоне. Мечтал прийти первым. Мы научим тебя... двигаться быстрее, чем ты можешь. Быстрее, чем ты мог бы себе представить.

– Для чего?

– Понимаешь... Через несколько дней в мире произойдёт событие, которое... э-м-м... перевернёт наше представление о самом бытии. Мистер Минниар хочет, чтобы ты помог предотвратить ужасные последствия этого события.

– Почему я?

– Ты мотивирован. Ты потерял половину своего тела, и мы поможем тебе вернуть его. Мы не заставляем тебя делать что-либо, но прости, времени у нас не так много. Ты соглашаешься прямо сейчас, и для начала ЮниКорп даст тебе жизнь, полную новых движений. Движений на таких скоростях, о которых ты даже не догадывался. А после нашей сделки мы поможем тебе вернуть твоё настоящее тело. В противном случае я уйду прямо сейчас, забираю это с собой, и ты можешь продолжить то, от чего я тебя отвлек. Выбор за тобой.

Глава 3

Мак Тоунвэд

Гаяз катит меня на инвалидной коляске по коридору больницы. На коленях у меня чёрный кейс. Стоило ли мне соглашаться? На то чтобы носить протезы – нет, на то, что есть шанс вернуть своё тело – да. Как они собираются вернуть его? Буду ли я прежним после того, как снова встану на ноги? Смогу ли я снова бегать? Хотя, когда теряешь обе ноги и руку, не задумываешься уже о мечтах, главное – жить полноценной жизнью. У меня был выбор – соглашаться на просьбу или же остаться в палате и висеть на верёвке. Выбирать не из чего. Но я спортсмен... или же был им, и я буду бороться, даже когда шансы невелики.

В пути к выходу на первом этаже я встречаю ту женщину, которая приносила мне пищу в палату. Она идёт ко мне навстречу, толкая перед собой всё ту же тележку с баландой.

– Простите... – говорю я, проезжая мимо неё.

Она лишь устало окинула меня взглядом. Двери больницы разъезжаются в стороны, и меня слепит яркий свет. Вот он. Мир, в котором я уже не тот, что был. Теперь для меня этот мир более сложный, более огромный, ведь я стал меньше, стал слабее. Теперь он полон непреодолимых трудностей, таких как ступеньки, отсутствие подъёмника для инвалидов. Теперь придётся привыкать делать всё левой рукой. Я ловлю себя на мысли, что согласился ещё и потому, что это был не просто протез... Я мог чувствовать. Я ощущал прикосновение лучше, чем кожей. Гаяз подкатывает меня к белому микроавтобусу и открывает боковую дверь.

– Я помогу тебе, но для этого мне придётся взять тебя на руки. Это неприятно для тебя, но уверяю, это первый и последний раз, когда кто-то помогает тебе из-за твоей беспомощности.

Я понимающе киваю. Он ставит кейс в салон около сиденья, затем наклоняется ко мне, и я левой рукой обхватываю его вокруг шеи. Он берёт меня на руки, как ребёнка, и легко усаживает в сиденье.

– Расскажи подробнее о том, как вы собираетесь вернуть мне моё тело, – решаюсь спросить я.

– Услуга, о которой мистер Минниар просит, приведёт тебя к исцелению, – отвечает Гаяз, садясь за руль. – Сейчас ты подумаешь, что всё это чушь собачья, но поверь, этот мир полон технологий и вещей, способных на невероятное. Вернуть тебе ноги и руку... хах... Это меньшее, что может одна из таких технологий.

– Что за технология?

– Об этом ты узнаешь, когда мы прибудем на место. Потерпи немного, Мак, тебе и так досталось.

Микроавтобус трогается с места.

– Расскажи мне о Адиле. Кто он?

Гаяз выдерживает паузу.

– Мистер Минниар – великий человек. Есть легенда... Когда-то давно... к нему пришли двое и показали ему будущее, сказали, какой дорогой идти. В то время мистер Минниар был ещё подростком из нищей семьи. Пройдя по дороге, которую ему указали те двое, он стал одним из самых богатых людей в мире. Но его величие не в деньгах. Невероятный ум и мудрость, которыми он обладает, заставляют восхищаться, идти за ним. Верить.

– Ты веришь в эту легенду?

Он смотрит на меня через зеркало заднего вида.

– Да, – коротко отвечает он.

Я ещё раз обдумываю его слова.

– Ты говорил, что Адиль очень щедр и дарит людям всё, что им необходимо для счастья. А что он подарил тебе?

Он отводит взгляд в сторону, слегка задумавшись. Надевает солнцезащитные очки и снова кидает на меня взгляд через зеркало.

– Жизнь.

Я просыпаюсь оттого, что микроавтобус останавливается.

– Приехали, – сообщает Гаяз.

Он строгий парень, на его лице редко появляются какие-либо эмоции. По крайней мере со мной он разговаривает почти официально.

Я смотрю через окно и замечаю, что мы подъезжаем к невысоким скалам в пустыне. К машине подходят ещё двое парней.

– Где мы? – спрашиваю я, когда Гаяз открывает дверь и передаёт кейс одному из парней.

– Аравийская пустыня. Мы недалеко от Эль-Джахра.

К дверям микроавтобуса подкатывают коляску.

– Ты же сказал, что это было в последний раз, – говорю я с иронией.

– Потерпи ещё немного, Мак, очень скоро ты забудешь это как страшный сон.

Он повторяет операцию по транспортировке половины моего тела в коляску, и мы движемся по горячему асфальту в сторону массивных стальных ворот в скале.

– Это один из научных центров по разработке оружия, – сообщает Гаяз.

– Оружия? – удивлённо уточняю я.

– Мистер Минниар занимается многими вещами, финансирует многие проекты, которые пригодятся людям в ближайшие годы. Но самое главное направление – предотвращение войны.

– Войны? Изобретать оружие для предотвращения войн? Это всё равно что выбивать клин клином...

– Не совсем. Мистер Минниар знает способы, как предотвратить глобальный конфликт ещё в зародыше.

– И как он может это знать?

– Об этом и рассказывает его легенда. Быть может, когда-нибудь он сам расскажет тебе об этом.

Гаяз толкает мою коляску перед собой, и мы двигаемся внутрь, минуя стальные двери. Внутри что-то вроде большого ангара. В глаза сразу бросается огромный военный грузовой боинг болотного цвета. Он занимает почти всё место в этом огромном помещении. Под его крыльями расположены четыре массивные турбины, по две с каждой стороны. Проезжая мимо, я замечаю, как парни в военной форме затаскивают внутрь боинга какую-то странную штуку. Она овальной формы, как яйцо, белого цвета. Её грузят внутрь на грузоподъёмнике.

– Что это? Бомба? – спрашиваю я.

– Нет, – отвечает Гаяз с ухмылкой, и я, не поворачиваясь к нему, замечаю, как его непробиваемая маска без эмоций всё же даёт трещину. – Это нечто гораздо более полезное.

Грузовой лифт. Он тащит нас на пару этажей ниже. Затем небольшой бетонный коридор с низкими потолками. Проезжая мимо дверей, я замечаю, что каждая дверь – как шлюз на подлодке, тяжелая и прочная.

– Это не просто научный центр, – говорю я, – это бомбоубежище.

– Верно. Мистер Минниар подстраховался и на случай сильного удара. Мы не можем рисковать, его разработки и планы слишком важны для этого мира.

– Этого мира? Как будто есть ещё миры, – в шутку говорю я.

Гаяз не отреагировал.

– А я вхожу в эти планы? В планы мистера Минниара?

Гаяз отвечает не сразу, подкатывая меня к одному из открытых шлюзов.

– Конечно. Ведь ты – третий приоритет.

Глава 4

Кристофер Андерсон

Я сваливаю все документы со стола в портфель. Пыльная съёмная квартира, которую мне на время одолжил Джозеф, больше похожа на кладовку. В комнате помещается только койка, письменный стол и я. Сквозь пожелтевшие жалюзи бьёт яркий свет, освещая кружащую в воздухе пыль. Документы собраны, вещи собирать не стоит, их у меня просто нет. Самолёт через пару часов, я должен успеть. Хочу убраться из этой дыры, пока снова не встретил Джозефа. Я замираю на секунду, понимаю, что перед тем, как перешагну порог аэропорта, хочу сделать то, что не делал очень давно. Позвонить маме. Я достаю телефон, чтобы позвонить ей. Её ещё нужно найти в записной книжке, в исходящих или во входящих её придётся искать ещё дольше. Я пролистываю десятки имён людей, которые мне далеко не друзья и не приятели, скорее, тени.

Я нахожу нужный номер и без колебаний нажимаю кнопку вызова. Гудки тянутся очень долго, мне становится страшно, вдруг она просто не хочет отвечать. Мы не общались с того времени, как Колин сел. Я не приготовил речь для неё, я просто хочу поговорить с ней именно сейчас, просто хочу услышать её.

Гудки закончились, она сняла трубку, но в телефоне тишина.

– Мам?..

– Да... Да, сынок?

– Мам... Как ты? Я... Я скоро приеду. Мам, я возвращаюсь...

– Сынок, приезжай... Я хочу тебя увидеть. Тебя так давно не было дома...

– Мам, я хотел сказать... С Колином всё будет хорошо, ему помогут... Я расскажу тебе всё через несколько дней, как приеду...

– Я буду ждать, сынок...

– У меня самолёт, мам, мне пора, я просто хотел узнать, как ты, и сообщить, что я уже возвращаюсь...

Связь прерывается. Телефон перестаёт ловить сеть в этой дыре на краю света. Главное, я сказал маме, что возвращаюсь, услышал её. Мне стало легче на душе, и я почувствовал тёплое ощущение внутри. Так непривычно думать, что меня где-то ждут. Я осматриваю конуру, в которой жил последнее время, прокручиваю в голове основные вещи, которые нужно забрать. Документы, телефон, плеер, кошелёк. Ну вот, собственно, и всё. Я выхожу за порог, накидываю на плечо портфель, хлопаю дверь, не взглянув на комнату в последний раз. Нужно спешить. Меня уже ждут.

Глава 5

Мак Тоунвэд

Гаяз толкает мою телегу в комнату за тяжёлым шлюзом, и я сразу же замечаю изогнутое кресло посередине комнаты, похожее на стоматологическое. Гаяз оставляет меня, уходит в дальнюю часть комнаты и начинает щёлкать клавишами клавиатуры. Моё внимание привлекает то, что подвешено на цепях и проводах по обе стороны перед этим креслом. Протезы ног. Более массивные, чем я мог бы себе представить. Стопы сделаны в виде стоп человека. Здесь есть и фаланги пальцев, и сухожилия, но нет пяточной кости. Малоберцовая и большеберцовая кость отсутствуют, вместо них идёт длинная красная пружина, как амортизаторы на колёсах машин, и точно такая же на том месте, где у человека находятся икроножные мышцы. Далее бедро. Оно напичкано пружинами и проводами, сверху всё это слегка прикрыто тонким металлическим корпусом. Я дотрагиваюсь до металла. Он тёплый.

– Это B95, – говорит Гаяз, – высокопрочный термоупрочняемый сплав алюминия с цинком, магнием и медью. Это самый прочный из всех сплавов алюминия.

– Я никогда не думал, что протезы ног могут выглядеть... так...

– Это не протезы. Это экзоскелет. Пару лет назад ЮниКорп экспериментировала с разными видами защиты для солдат в бою, мы пытались создать нечто большее, чем просто броню, мы хотели повысить реакцию, скорость и силу человека во время боя. Что-то из этого получилось. То, что ты видишь перед собой – это прототип основных частей от экзоскелета другого типа. Эта модель направлена на ускорение. Более лёгкая. Более компактная. Более быстрая.

Я замечаю, что цепи, державшие протезы, прикреплены к рельсам под невысоким потолком. Протезы рук также по обе стороны от кресла, и я подкатываю к ним, кое-как крутя колесо одной рукой. Они такие же, как и в чёрном кейсе, только с такой же красной пружиной вместо бицепса.

– Скажешь, когда будешь готов, – говорит Гаяз, стоя у монитора.

Я осматриваю экзоскелет руки и понимаю, что нет смысла тянуть. Хочу поскорее снова встать на ноги.

– Я готов.

Гаяз снова щёлкает клавишами, и кресло опускается почти до пола, так низко, чтобы я смог в него перекатиться. Оно удобное и холодное. Я скидываю с себя белую простыню, которой был прикрыт всю дорогу от самой больницы. Одежды на мне нет, ведь я побывал в мясорубке. Она, скорее всего, была порвана и пропитана кровью. В этой комнате прохладно, я ещё раз кидаю взгляд на то, что осталось от моих ног и от правой руки. Я готов молиться, чтобы этот экзоскелет работал как надо и я снова смог хотя бы просто ходить. Я решаюсь задать Гаязу пару вопросов насчёт этого перед тем, как я примерю на себе эти штуковины.

– Я смогу бегать? – с языка слетает вполне логичный вопрос, на который по сути уже есть ответ, но я хочу ещё раз уточнить, получится ли то, что он обещал мне.

– Ты сможешь гораздо больше.

Он не многословен. Я нервно осматриваю механические руки и замечаю, как прямо над креслом, под потолком, на цепях подвешена ещё одна деталь, не похожая на протез. Она состоит из нескольких частей, похожих на человеческие лопатки и позвоночник.

– Что это? – спрашиваю я, глядя на потолок.

– Сейчас узнаешь. Для начала давай попробуем надеть это на тебя, я объясню, как этим пользоваться. Ложись удобнее.

Я слегка съезжаю вниз по креслу, касаюсь спиной холодной спинки.

– Как это будет выглядеть? – спрашиваю я Гаяза, пока он смотрит в монитор.

– Как только протезы будут на тебе, ты сразу начнёшь осязать. Но не спеши шевелиться, сначала ты должен узнать правила пользования.

– Есть правила?

– Экзоскелет сильнее, чем ты думаешь.

Он подходит к одной механической ноге, обхватывает её руками и тащит в мою сторону. Цепи начинают звенеть, я слышу лязг рельс под потолком, и этот звук пугает меня сильнее, чем дальнейшая неизвестность. Он подтягивает правый протез к остатку моей правой ноги, и половина моего бедра входит в отверстие протеза до самого паха. Я лишь наблюдаю. Гаяз подходит к левому протезу, и так же, с лязгом и скрипом, двигает его в мою сторону, и так же половина моего бедра скрывается в нём.

– Какой вес? – спрашиваю я.

– Тринадцать и три.

– Каждая? – я поднимаю удивлённый взгляд на него. – Как можно передвигать такой вес?! Ты сказал, что я смогу бегать.

– Дождись полной экипировки, и я расскажу тебе об этом более подробно. Не паникуй раньше времени.

Тринадцать килограммов триста граммов? Для одного протеза ноги? Реально ли двигаться с таким грузом? Гаяз пододвигает правый протез руки, и я по локоть ныряю в него. Затем он снимает цепи с металлической руки, и она остаётся на весу, потому что я удерживаю её. Я слегка шевелю пальцами, осторожно подношу ладонь к лицу. Снова это ощущение. Фантомное осязание. Я чувствую металлической рукой холод в этой комнате. Прислоняюсь железной ладонью к ладони левой руки. Ощущаю фантомное тепло, как своей кожей. Медленно шевелю пальцами, чувствуя, как механизм мгновенно откликается на мои мысли. Как будто это всего лишь перчатка, надетая на настоящую руку. Гаяз снимает цепи с металлических ног, и я пытаюсь шевелить пальцами. Сначала дёргается голеностоп.

– Не дёргайся, поставь стопы на пол.

Я следую его указаниям.

– Теперь нагнись. Прикоснись грудью к коленям.

Я наклоняюсь и вижу, как пальцы ног откликаются на мои мысли. Они шевелятся. Я чувствую ногами лёгкий сквозняк на полу, и это заставляет меня улыбаться. Снова лязг цепей, но уже надо мной. Я поворачиваю голову максимально назад и пытаюсь посмотреть на потолок. Та самая деталь, которую я заметил, опускается вниз, ложится прямо мне на спину, и я вздрагиваю от холодного соприкосновения с ней. Я различаю треугольные детали, они похожи на лопатки человеческого скелета. Длинная деталь посередине играет роль позвоночника. Она больше похожа на пучок проводов длиной около метра. Вся эта конструкция покрывает верхнюю часть моей спины, касается вплотную лопаток и ложится вдоль позвоночника. Я вздрагиваю от холодного прикосновения.

– Что это?

– Ты хотел бегать? Это то, что поможет тебе.

Я поворачиваю голову вправо и вижу, как Гаяз пристёгивает протез руки к этой детали на спине.

– Откинься на спинку.

Я слушаюсь. Он пристёгивает протезы ног к этой детали и получается так, что теперь все части скелета соединены между собой. Протезы ног пристёгнуты к металлическому позвоночнику, правая рука подключена к лопаткам.

– Теперь я объясню тебе, что к чему и как этим пользоваться. Этот экзоскелет был собран не для людей, потерявших части тела. Это боевая машина для выполнения особых задач. Это как скальпель хирурга, понимаешь? Более тонко, более профессионально, чем грубая сила. Ноги и рука соединены платформой, которая у тебя за спиной, она будет удерживать тебя при

быстром перемещении. За твоей шеей подголовник, он также служит опорой при быстром перемещении.

Я щупаю рукой подголовник, он почти такой же, как на сиденьях автомобилей, только гораздо меньше и компактней, по форме более похожий на надувную подушку, которую берёшь с собой в дорогу при дальних поездках или перелётах.

– Если убрать подголовник, – продолжает Гаяз, – то при перемещении вперёд с огромной скоростью голова резко опрокинется назад, при этом сломается шея. Платформа у тебя за спиной играет такую же роль.

– О какой скорости ты говоришь?

– Смотри сюда. – Он наклоняется к правому протезу, беря за запястье правый протез руки. – Нашупай вот эту кнопку на правом бедре. Вот эту. Чувствуешь?

Я чувствую, что на корпусе правого протеза ноги есть едва заметная немного выпуклая кнопка такого же цвета, что и корпус.

– Нажми на неё.

Я нажимаю. Часть корпуса бедра с щелчком немного приподнимается, затем отъезжает в сторону, тем самым обнажая внутренности протеза. Внутри я вижу стеклянную капсулу в форме цилиндра, напоминающую футляр, в котором раньше хранили фотоплёнку. В этой капсуле я замечаю несколько граммов полупрозрачного белого раствора.

– Видишь эту жидкость? Это смесь ускоряет реакцию человеческого организма до такого предела, что любое движение вокруг покажется тебе замедленным. Это так называемое слоу-мо. После попадания этой жидкости в кровь твой мозг, твоё тело будет работать как реактивный двигатель, ты будешь двигаться и думать быстрее обычного. Гораздо быстрее. Именно поэтому всё происходящее вокруг будет казаться тебе, как на замедленной съёмке, но по отношению к окружению твоё перемещение будет молниеносным. Здесь есть ячейки ещё для восьми таких капсул. Когда ты научишься этим пользоваться, мы дадим тебе все остальные, заполненные до отказа. Время действия одной полной дозы в режиме слоу-мо – около тридцати и трёх сотых секунды, но в реальном времени – это около десяти минут. Разница в соотношении времени в слоу-мо и в реальности огромная. Тело не может двигаться с такой скоростью, оно слишком хрупкое для этого, и экзоскелет укрепляет его.

– Что мне с этим делать?

– Об этом чуть позже. А сейчас я покажу, как это работает.

Он достаёт из кармана серебристую монету и берёт инъекционный пистолет с металлического стола рядом со мной.

– Через это ты сможешь ввести инъекцию слоу-мо, всё что тебе нужно, это вставить капсулу и сделать укол.

– Это уже слишком, тебе не кажется? Колоть себе в вену всякую дрянь ради оказания помощи человеку, которого я даже не знаю и не видел? Что за услуга такая, ради которой придётся всё это использовать?

– Узнаешь, как только испытаешь слоу-мо, – отвечает Гаяз.

Монета крутится у него между пальцев. Я решаюсь попробовать. Кажется, иного выхода у меня нет. Стоит мне отказаться от всего, что он предлагает, и я тут же вернусь в больницу и продолжу лежать, как овощ. По сути, меня никто не заставляет всё это делать. Я совершаю это добровольно, так как между пожизненной инвалидностью и «этим всем» нет выбора. Немного замешкавшись, я опускаю руку вниз, беру капсулу с белой мутной жидкостью на дне и вставляю её в пистолет. Нет смысла тянуть, я должен показать, что готов ко всему ради того, что получу взамен. Вкалываю иглу себе в шею и спускаю курок. Монета замирает между большим и указательным пальцем, Гаяз медленно подбрасывает её вверх. Я сжимаю зубы и слегка морщусь. В ушах застывает звенящая тишина. Монета медленно подлетает, вращаясь в воздухе. Гаяз замер надо мной, как статуя, я не отрываю взгляд от монеты и слегка наклоняюсь вперёд,

чтобы поверить, что мне это не мерещится. Хочу отложить пистолет обратно на металлический стол, но нелепым движением роняю его. Он падает на пол целую вечность, как будто падает на дно под водой. Монета медленно крутится вокруг своей оси, подлетая вверх по инерции. Достигнув вершины полёта, она поддается притяжению и, продолжая вращаться, падает вниз. Гаяз медленно раскрывает ладонь, чтобы поймать монету, и в этот момент я спокойно протягиваю руку и беру монету в падении двумя пальцами. Поднеся её ближе, я рассматриваю её. Гаяз всё ещё стоит с протянутой ладонью, ожидая, пока монета упадёт к нему в руку. На одной серебряной стороне надпись на английском ОХОФ, и ничего больше. На другой – слоган «Возродись».

Гаяз делает резкое движение рукой, чтобы поймать монету, которой давно уже нет. Действие слоу-мо прошло. Я кладу монету на тыльную сторону пальцев и пытаюсь её крутить.

– Как ты это делаешь? – издевательски спрашиваю я.

Он протягивает мне ладонь, слегка улыбаясь. Я отдаю ему монету.

– Что ты почувствовал? – спрашивает он.

Я прокручиваю в голове последние секунды – медленное вращение монеты, её медленный полёт, слоган, ОХОФ. Это было реально. Я сам видел и прочувствовал это.

– Что за услугу я должен оказать Адилю? Для чего меня готовят?

Гаяз слегка улыбается.

– Идём за мной.

Я опускаю металлические стопы на холодный пол, наклоняюсь вперёд и медленно встаю на ноги. Экзоскелет держит меня стойко и уверенно. Я не спеша пытаюсь сделать шаг.

– Как ощущение? Приятно снова встать на ноги?

Я делаю ещё шаг. Каждое движение чёткое, каждый шаг уверенный.

– Как будто... я вовсе и не терял ноги. Нет никакой разницы... Эти даже... прочнее.

– Да. Только теперь ты сильнее. Идём.

Я не успеваю сделать шаг, как на пороге появляется человек в белоснежной рубашке. Она как яркое пятно в этом мрачном помещении. Я вижу, как Гаяз слегка содрогается и быстрым шагом направляется к этому человеку. Подойдя к нему, он слегка кланяется. Я понимаю, что этот человек и есть тот самый Адиль. Он, не заходя в комнату, не спеша осматривает меня с ног до головы и снова переводит взгляд на Гаяза. Затем он задумчиво скрещивает руки на груди и потирает щетину на подбородке. Мне кажется, что он чем-то взволнован. Я не подхожу и лишь делаю вид, что осматриваю протезы ног, тем временем подслушиваю их диалог.

– Как он?

– В порядке. Сейчас будем работать над реакцией, я научу...

– Нет времени. На моих часах осталось меньше суток. Встреча состоится завтра... Введи его в курс дела. Он должен знать.

– Он не готов принять правду...

– Мы не можем рисковать. Правда может оказаться невыносимой для него, и это усугубит дело. Подготовь его к ней. Покажи ему архив.

– Как скажете...

– Сейчас мне нужно посетить ещё одного человека в пустыне. Недалеко отсюда. Завтра я займусь Ангелами. Работай.

С этими словами он уходит. Гаяз стоит на месте как статуя. Появление этого человека немного встряхивает его.

– Так что ты хотел мне показать? – спрашиваю я.

Гаяз слегка оглядывается.

– Да... Да. Идём со мной.

Глава 6

Мак Тоунвэд

Гаяз жестом приглашает меня войти в соседнее помещение, открыв шлюз. Я, немного промешкав, делаю шаг за порог, и в нос бьёт приятный запах старой бумаги. Передо мной стеллажи архивного помещения, заваленные папками, томами и прочими пожелтевшими документами.

– Это... Главный архив Мистера Минниера. Здесь собраны все известные тайны человечества с момента создания этого мира. Находки археологов, выводы и эксперименты учёных, догадки, легенды... Ознакомившись с ними, ты сам поймёшь и решишь для себя, что правда, а что ложь, что в этом мире существует на самом деле, а чего существовать не может... Но одно я скажу тебе точно... Всё, что ты здесь найдёшь – правда. А верить в неё или нет, решать тебе.

Я осматриваю стеллажи. Их более пятидесяти, они тянутся до конца этой комнаты, образуя целый коридор передо мной.

– Зачем мне изучать это? Для чего?

Гаяз выдерживает паузу, скрестив руки на груди.

– Понимаешь, Мак... Миссия, которая на тебя будет возложена, не такая сложная, как покажется на первый взгляд. Проблема в том, что ты можешь не поверить в существование некоторых вещей, с которыми тебе придётся связаться. Что лучше – не верить в эти вещи или же принять факты и доказательства, существования этих вещей?

– Что за вещи? Как они связаны со мной?

– Хочешь узнать, как появилась жизнь на Земле?

– Зачем? Какая сейчас разница, как она появилась? Как это относится ко мне?

Он подходит к одному из стеллажей и берёт с полки тонкую, пожелтевшую папку.

– Просто прочти это, я приду позже. Просто посмотри.

Он тихо выходит из помещения архива, и я опускаю взгляд на обложку папки.

Протокол №731.

Оригиналы рукописей 1900 года, описание исследования артефакта.

Вид артефакта: неизвестно.

Название артефакта: Откровение Бога.

Год открытия артефакта: 1891.

Год создания артефакта: неизвестно.

Тип архива – совершенно секретно.

Время хранения – хранить вечно.

Я отрываю обложку. Первая страница напечатана на пожелтевшей бумаге чернильными буквами печатной машинки.

Описание архива

В этом архиве собрана лишь часть записей, собранных за первый год после начала изучения артефакта. Стоит заметить, что на время ведения этих записей знания об артефакте были достаточно исчерпывающие. Автор рукописей – Рудольф Кёнинг (1832—1901). Физик, был одним из первых, кто приложил руку к изучению артефакта Откровение Бога.

Остальные несколько десятков строк зачёркнуты чёрным маркером. Я переворачиваю страницу. Следующий лист ещё желтее предыдущего, из грубой, твёрдой бумаги. Он запечатан в полиэтиленовый файл. Текст написан от руки каллиграфическим почерком. Я не могу прочитать и слова, так как текст на немецком, это заставляет меня перевернуть страницу, и на сле-

дующей я нахожу продолжение. Мне нет смысла пытаться что-то понять в этих словах, и я переворачиваю дальше. Следующая страница снова напечатана на печатной машинке. Часть текста закрашена полосками чёрного маркера.

Перевод рукописи

28 ноября 1900 года. За последние девять лет наблюдения за артефактом мы получили не так много данных и информации о нём. Изучаемый объект находится над уровнем земли на высоте один метр 32 сантиметра. Что заставляет его постоянно находиться в состоянии полёта, неизвестно. Возможно, весь секрет этого феномена гравитации кроется внутри самого объекта, но доказать это не представляется возможным. Артефакт покрыт непроницаемой прозрачной сферой, защищающей его от любых воздействий.....

..... Нам лишь остаётся наблюдать за ним и изучать его на расстоянии. Радиус сферы два метра три сантиметра. Сдвинуть с места сферу невозможно. Объект представляет собой цилиндрический предмет, предположительно созданный из металла. Доказать это также не представляется возможным.

Артефакт состоит из трёх частей, плотно прилегающих друг к другу, каждая из которых имеет форму квадрата. Часть, что находится посередине, на восемь миллиметров меньше крайних. Разглядев объект на расстоянии при помощи микроскопов, мы увидели, что часть покрыта росписями из чисел. Многие из них составляют математические уравнения, остальные ещё предстоит расшифровать. Помимо чисел на артефакте присутствуют ещё и слова, состоящие из букв, не похожих ни на один язык в мире. Одно из этих слов удалось расшифровать, и благодаря этим уравнениям мы создали первый поршневого двигателя под руководством Рудольфа Дизеля, а также установили первую радиосвязь. Ниже я приведу ещё несколько примеров, чьи изобретения были достигнуты при помощи уравнений артефакта.

- Рентгеновское излучение. 1895. Вильгельм Рентген.*
- Двухступенчатая паровая турбина. 1896 год. Чарльз Кёртис.*
- начало работы над способом добывания антиматерии.*
- Радиоуправление. 1898 год. Никола Тесла.*
- Бескомпрессорный нефтяной двигатель высокого давления. 1898 год. Густав Тринклер.*
- Газовая турбина. 1899 год. Чарльз Кёртис.*

Вот не полный список основных достижений за девять лет изучения артефакта. Изучая уравнения и используя их, мы наблюдаем резкий скачок в развитии машиностроения и медицины. Всё мировое сообщество переживает резкий подъём в развитии. Следовательно, артефакт даёт нам все необходимые знания. Именно этот артефакт поможет нам в будущем, создать технологию, с помощью которой, мы попытаемся узнать о том, как зародилась наша вселенная. Как мы, люди, ими распорядимся, зависит только от нас самих.

Что касается самого места, где артефакт находится в состоянии покоя, то описание его можно найти в трудах археолога и архитектора Карла Хумана.

На этом текст перевода заканчивается. Листы тоже. На этом всё. Я пытаюсь осмыслить прочитанное.

– Что..? – говорю я сам себе. Немного прищуриваюсь, пытаюсь проморгаться, собрать мысли в голове воедино, но это невозможно. Я ещё раз открываю последнюю страницу.

Карл Хуман.

Я прохожу мимо стеллажей и ищу полку с отделом археологии. Провожу пальцем по папкам и на одной из них нахожу нужное имя. Папка такая же пожелтевшая, как и первая.

Протокол №102

Оригиналы рукописей 1891 года, описание местонахождения артефакта

Местонахождение: Румыния.

Год открытия места: средний палеолит.

Автор – Карл Хуман (1839—1896), архитектор, археолог.

Тип архива – совершенно секретно.

Время хранения – хранить вечно.

Место, где артефакт находится в состоянии покоя, представляет собой кратер, который со временем из-за движения литосферных плит стал меньше в диаметре. Предположительно артефакт находился в этом месте с момента создания Земли. Вероятно, оно и стало причиной скопления космической пыли, давшее начало создания нашей планеты. Позже, предположительно 2,6 миллиона лет назад, это место стало культом для первых людей. Об этом свидетельствует то, как были построены первые жилища около артефакта, как обработаны камни этих построек. Вокруг точки, где покоится объект, найдены орудия труда первобытных людей, а также последующих эпох развития цивилизации. Как выяснилось позже, многие события в нашей истории связаны с Откровением Бога, об этом изложено в трудах историка Генриха Вёльфина. Именно он, рассказывает в своих трудах о значении фресок, на стенах зала. Место, где находится артефакт, представляет собой зал колоссальных размеров. Высота зала 2 километра 21 метр 14 сантиметров. Диаметр зала – 1 километр, 47 метров. Высокий потолок с круглым отверстием прямо над артефактом подпирают четыре опоры в виде статуй. Отверстие в потолке диаметром около десяти метров служит для попадания света в помещение.

Что касается построек, найденных в пещере около кратера с артефактом, но они похожи на те, что были найдены в Мачу-Пикчу.

Остальной текст просто зачёркнут чёрным маркером до самого конца папки.

– Вы издеваетесь? – снова говорю я сам себе. И снова открываю папку.

Генрих Вёльфин, историк.

Я оборачиваюсь, глазами сканирую стеллажи, не зная, где искать. Снова алфавитный порядок табличек, высунутых из-за папок. Я ищу раздел истории, пробегаюсь по папкам глазами и провожу металлическими пальцами. Есть! Тот, кто мне нужен, те же пожелтевшие листья, та же обложка.

Протокол №77

Оригиналы и перевод рукописей Генриха Вёльфина

1895 год.

Тип архива – совершенно секретно.

Время хранения – хранить вечно.

Дальше жёлтые страницы на немецком, затем перевод с чёрными полосками маркера.

Признаться честно, я был поражён размахом этого помещения. Осмотреть все фрески и гравюры не хватало глаз, я не знал, с чего начать. Со временем я понял, что все эти фрески – подлинная история нашего мира. Все эти изображения вырезаны на камне и идут по кругу, как киноплёнка, по спирали, до самого потолка. Мы так и назвали это – лента истории. Высота

ленты – около двух метров. Она изображает все этапы развития человека, каждую эпоху, начиная с момента, когда человек научился охотиться. Самые первые изображения в этой ленте не были высечены на камне, так как в то время человек не умел работать с камнем на таком уровне. Они были нарисованы красками, сделанных из трав и крови животных. Эта лента создавалась тысячелетиями, эпоха за эпохой, век за веком. Люди, знающие об этом месте, воссоздавали картину истории человечества на этих стенах, так как именно Откровение Бога считалось для них местом, откуда берёт начало сама жизнь. Ниже я приведу полный список эпох, начиная с самых первых изображений, и их описание.

Эпоха палеолита

Именно в этот период люди, пришедшие в это место, оставили первый след. Учитывая, что зарождение современного *Homo sapiens* произошло в Африке, мы смело можем сделать вывод, что первые люди, нашедшие это место, пришли оттуда. Это подтверждается тем, что именно в эпоху палеолита появилась традиция захоронения мёртвых, чьи могилы были найдены в этой пещере. Также в эту эпоху появился язык, что объединяло людей в группы. Особенно важно то, что в эту эпоху появилось и раннее искусство. Именно первые попытки изобразить что-либо мы можем наблюдать на самом первом изображении в ленте. Оно рассказывает историю о том, как один из охотников отбил от своей группы во время охоты. Зверь загнал его в горы, где охотник упал в круглое каменное отверстие. По легенде, он, упав с такой высоты, остался жив. Очнувшись, он увидел перед собой прозрачный шар, внутри которого был прямоугольный предмет. По словам того охотника, этот предмет не дал ему умереть и даровал жизнь. Позже охотник привёл в это место людей, и они, узнав о целебных свойствах этого предмета, сделали его своей святыней и прозвали не иначе как Мать.

Эпоха мезолита

Мезолит, или среднекаменный век (от греческого μέσος – «средний» и λίθος – «камень»).

Эта эпоха характеризуется появлением сельского хозяйства и некоторых первых орудий труда. На рисунках этой эпохи мы видим, что люди начали создавать предметы быта, таких предметов, как микролит, а также других предметов из кремния.

Эпоха неолита

На рисунках этой эпохи, мы видим, как человек только научился одомашнивать животных. Мы видим, что именно в эту эпоху стали появляться первые деревни в долинах рек.

Я пролистываю страницы дальше, пробегаю глазами по описаниям гравюр других эпох, но не понимаю, для чего всё это.

– Заинтересовало? – раздаётся тихий голос Гаяза у меня за спиной.

Я оборачиваюсь и пару секунд выдерживаю паузу.

– Что это? Зачем ты показал это всё?

– Чтобы ты имел представление о том, на чём на самом деле стоит наш мир.

– И что? Зачем мне это? Это, конечно, всё здорово... Артефакты, тайны, эпохи... Но я никак не отношусь ко всему этому... Я готов помочь Адилю, готов приступить к делу, но вместо этого мне дают пыльные бумаги с описанием древней штуковины...

– Она создала нас.

Я не могу сдержать ухмылку и перевожу взгляд на папку у себя в руках.

– Допустим, – отвечаю я. – Как это относится к делу?

– Послезавтра в Нью-Йорк прибудет человек... У него в руках будет то, что когда-то создало жизнь на Земле. Это предмет круглой формы, не больше бильярдного шара... Он нужен нам.

– И вы хотите... Чтобы я забрал это у него?

– Да. Но даже со слоу-мо это будет не так просто.

– Что за человек?

– Даже в режиме слоу-мо он будет двигаться чуть медленнее тебя. Стоит ему схватить тебя, и ты труп.

– Ты не ответил на вопрос... Как все эти документы относятся к делу?

– Этот предмет – и есть то, что когда-то первый человек назвал Матерью. У неё много названий, мы называем её Альфой. И она является частью Откровения. Когда-то давно, когда Вселенная пребывала в состоянии сингулярности, произошло то, что учёные называют не иначе как Большой взрыв, и причиной тому было столкновение материи и антиматерии. Альфы и Омеги.

– И ты хочешь сказать... Что Альфа – это половина составляющей этого взрыва? Как она оказалась в руках у этого...

– Это всё, что тебе нужно знать. Остальное в Нью-Йорке. Прости, времени мало. Я рассказал тебе всё, что тебе предстоит сделать. Чтобы рассказать об Откровении, не хватит и жизни... Сейчас нам нужно провести пару тестов. Покажем тебе, как работает слоу-мо в деле. Завтра ты вылетаешь в Нью-Йорк.

Глава 7

Мак Тоунвэд

Кувейт

Мы с Гаязом заходим в просторное помещение, оборудованное под тир. Помещение похожее на подземную парковку с двумя рядами бетонных столбов до самого конца. По всему тире разбросаны большие покрышки от огромных машин, мешки с песком, есть даже перевёрнутый изрешечённый старый холодильник, и всё это играет роль укрытий. Из-за столбов виднеются стальные фигуры мишеней. Справа от входа я замечаю двух молодых бойцов, которые возьмётся с оружием на столе.

– Послушай Мак, – говорит Гаяз, и я перевожу взгляд на него. – Ты слышал мой разговор с мистером Минниром. Он прав... Времени мало, и его может не хватить. – Он достаёт из-за пояса пистолет, снимает с предохранителя и передёргивает затвор. Затем щёлкает пальцем, как будто подзывает к себе официанта, и один из бойцов подходит ко мне и отдаёт пистолет-дозатор с полной капсулой слоу-мо. – Сейчас мы проведём тест. Ничего не бойся, верь мне. Если бы это могло тебе навредить, я бы не предложил тебе всё это.

– Тест? – переспрашиваю я, оглядываясь на парней сзади, заряжавших автоматы магазинами.

– Сейчас мы проиграем имитацию того, что тебе предстоит сделать в Нью-Йорке. У одного из тех парней в кармане обычное яблоко.

Я оглядываюсь ещё раз и вижу, что эти ребята подходят ко мне с автоматами в руках. Пульс учащается, я начинаю ловить губами воздух.

– Твоя задача – в режиме слоу-мо найти это яблоко и отобрать, пока тебя не подстрелили.

– Что?! Подстрелили?! Ребята, но...

– Используй слоу-мо...

– Может быть, в другой раз, я не...

Гаяз кидает взгляд на парней через моё плечо и кивает. Я слышу звук передёргивания затворных рам у себя за спиной.

– Подождите, ребята... Я...

Гаяз резко вскидывает пистолет направляя на меня. Я поднимаю дозатор, подношу к шее, и лёгкий укол пронзает её. Звуки затихают. Движения Гаяза становятся медленными, я оборачиваюсь и вижу, как двое парней поднимают стволы в мою сторону и отходят назад, рассредоточиваясь. Два глухих выстрела и медленное мигание вспышек выплёвывают пули из дул автоматов, и я от страха убегаю прочь, прячась за мешками с песком. Сердце бешено колотится, из-за своего укрытия я слышу их голоса, каждое слово тянется медленно, как на замедленной аудиозаписи. Я не знаю, что делать, я ведь не боец. Из-за столба справа медленно появляется боец и всаживает медленную, тархтящую, гулкую очередь в мою сторону. Я вижу, как несколько пуль летят в мою сторону, медленно, как будто под водой, и оставляют за собой прозрачные хвосты горячего воздуха. Я падаю на спину и ползу назад, наблюдая, как пули с раскалёнными наконечниками ползут в мою сторону. Тут до меня доходят слова Гаяза:

«Если бы это могло тебе навредить, я бы не предложил тебе всё это».

Я всё равно быстрее их всех. Пока я в режиме слоу-мо, мне ничего не угрожает. Я легко уворачиваюсь от выстрелов, но даже если и так, их может быть слишком много вокруг. Пули могут загнать меня в тупик, если я буду постоянно на их траектории. Сзади надо мной появляется фигура Гаяза, который смотрит в другую сторону и ещё не успел заметить меня у себя под ногами. Я слишком быстрый для него, чтобы он успел заметить моё перемещение за секунду. Он слишком медленный для меня, чтобы я дал ему возможность обнаружить себя. Я испуганно

смотрю на него через левое плечо, сидя на заднице, пули из автомата всё ещё медленно летят ко мне, и в этот момент Гаяз замечает, что я у него под ногами, и медленно опускает пистолет, направляя в меня. Я делаю кувырок через левое плечо и прячусь за столб. Яблоко. Мне нужно яблоко. Эта мысль приходит ко мне почему-то именно в этот стрессовый момент. Я ловлю себя на том, что мне действительно нечего бояться, я видел, с какой скоростью летят пули, и я могу быть быстрее них. Я с ухмылкой на лице в присядку пробегаю мимо поваленного холодильника, оббегаю ещё один столб и оказываюсь за спиной у одного из бойцов. Он не видит меня. Или видит, но слишком медленный, чтобы обернуться. Я беру его за кисти рук и раздвигаю их в стороны, автомат остаётся висеть в воздухе, медленно падая на пол. Я ловлю его и вешаю себе за спину. Затем ощупываю его карманы, пока он целится в другую сторону, пытаюсь найти меня. Он ещё не успел среагировать и понять, что целится пустыми руками. В карманах ничего. В этот момент он начинает чувствовать мои прикосновения и медленно оборачивается. Но я уже бегу ко второму бойцу, который укрылся за стальной фигурой мишени. Раздвигаю ему руки и отнимаю автомат. Ощупываю его карманы, но там тоже пусто. Он медленно оборачивается ко мне, но я слегка толкаю его рукой в плечо, и он начинает медленно падать. Яблока нет. Но есть ещё Гаяз. С автоматом в руке я бегу к нему, он медленно двигается вглубь помещения, проверяя, нет ли меня за поваленным холодильником. Я был за ним несколько секунд назад, а Гаяз заметил это только сейчас. Слоу-мо ещё действует. Время ещё есть. Я не спеша подхожу к Гаязу со спины, обхожу его и просто наблюдаю за его движениями. Он смотрит на пустое место за холодильником, затем медленно, заметив меня, поворачивается в мою сторону. Я забираю у него из рук пистолет и выкидываю в сторону. Пистолет, медленно вращаясь, летит на пол. Я замечаю, что в кармане пиджака у Гаяза лежит какой-то предмет. Засовываю руку в карман и достаю красное яблоко.

– У ребят значит, да?.. – говорю я ему, отходя в сторону и надкусывая яблоко.

Гаяз смотрит на меня, всё ещё держа руки перед собой и ещё не понимая, что пистолета там нет. Яблоко сладкое, я кусаю ещё. Гаяз держит в руках воображаемый пистолет и указательным пальцем правой руки делает движение, как будто жмёт на спусковой крючок. Слоу-мо заканчивается, и по тире пролетает вихрь ветра от моего перемещения, поднимая пыль с бетонного пола. Гаяз осматривает руки, понимая, что я забрал пистолет. Я кидаю ему надгрызенное яблоко, и он ловит его одной рукой. Я присаживаюсь на поваленный холодильник.

– Я смотрю... Ты понял, как это работает? – говорит он, глядя на яблоко.

– Да. Я разобрался.

Внезапно в тир входит Адиль. И все, кроме меня, оборачиваются к нему и стоят, вытянутые в струну, приветствуя его.

– Оставьте нас, – тихо говорит он, и парни уходят из тира. Гаяз слегка кивает мне и уходит следом.

– Как твоё состояние? – говорит Адиль, подходя ко мне.

– Чувствую себя отлично. Единственное... Не хватает некоторых частей тела, – отвечаю я, пытаюсь начать диалог с нелепой шутки.

– Это вскоре можно исправить. Ты готов помочь мне?

– Да, но я хочу узнать... Что это за человек, у которого я должен буду отнять... э-м-м-м...

– Хранитель. Это всё, что тебе нужно о нём знать. Чем меньше ты знаешь о нём, тем меньше ты будешь бояться. И тем больше у тебя шансов сделать всё правильно.

– Как это будет выглядеть?

Он достаёт из кармана пиджака бумаги.

– Это твои билеты, Мак. Номер в Нью-Йорке уже бронирован на твоё имя. Прибудешь туда завтра вечером. На следующее утро тебе позвонят и скажут, что делать. А сейчас готовься к вылету.

– Уже сейчас?

– Да. Прости, время у этого мира ограничено.

Глава 8

Кристофер Андерсон

Кувейт

Я сижу в аэропорту, в зале ожидания, нервно постукивая билетом себе по колену. Вещи собраны, я в форме. Готов ли я к финальному заезду в своей жизни? Готов ли я после всех неудач постараться сделать всё для освобождения своего брата? Да, определённо. Я чувствую, что всё получится. Чувствую. Мимо меня служащий аэропорта, молодой паренёк, катит перед собой инвалидную коляску с парнем примерно моего возраста, у которого нет ног и одной руки. Это сбивает меня с толку. Я отгоняю негативные мысли из головы и делаю глубокий вдох, опрокидывая голову назад. Я в приподнятом настроении.

«Всё получится».

Приятный девичий голос объявляет о посадке на мой рейс. Я хватаю портфель и бодро шагаю к самолёту.

Я укладываю портфель на полку над моим местом и усаживаюсь в кресло рядом с окном слева от меня. За ним суетятся рабочие, туда-сюда мотаются машины, взлетают самолёты. Обычный рабочий день. Справа от меня, к соседнему месту, стюардесса прикатывает инвалидное кресло с тем парнем, которого я видел в аэропорту. Она обхватывает его сзади за пояс и усаживает рядом со мной. Он, мельком взглянув на меня, улыбнулся мне и кивнул. Я нервно поёрзал в своём кресле. Он одет в строгий костюм, но брюки подвёрнуты назад и больше похожи на шорты. Без ног и руки он кажется мне совсем крохотным, почти одно туловище. Мне становится жутко, но я стараюсь этого не показывать. Стюардесса помогает ему пристегнуться, за что он благодарит её, и она укатывает коляску обратно. Его взгляд снова падает на меня, и он снова улыбается мне.

– Здравствуйте, – тихо, почти шёпотом говорит он.

– Привет... – отвечаю я, потирая щетину у себя на подбородке. – Чёрт, друг, что с тобой произошло? – не выдерживаю я.

– Авария, – чётко отвечает он, слегка кивает, поджав губы.

На его лице нет ни капли грусти.

– Как давно?

– Несколько дней назад.

У меня не укладывается это в голове, может он что-то путает?

– Насколько дней? И ты выглядишь так бодро? По тебе и не скажешь, что ты подавлен...

Он слегка улыбается и кивает мне в ответ.

– Сколько же в тебе воли?

Он снова кивает пару раз с тем же выражением лица.

– Кем ты был... до этого?

– Спортсменом. Бегал на дальние дистанции. – Он отвечает спокойно и чётко, без сожаления и грусти, и от этого по мне пробегает холод.

– Ты явно шутишь, парень...

– Нет, правда. Я был спортсменом. Мечтал принять участие в марафоне... Но, как видишь... – Он шлёпает ладонями по тому, что осталось от ног, и снова поджимает губы.

– Чёрт, парень... Я не могу поверить... Как ты пережил это?

Он задумчиво смотрит в окно рядом со мной.

– Я верю, – отвечает он, – что ещё есть шансы вернуться...

Я не могу пошевелить языком, чтобы ответить.

- Никогда не встречал человека с такой волей...
Он пожимает плечами.
- Я Крис, – говорю я и протягиваю ему левую руку, – Кристофер Андерсон.
Он пожимает её с улыбкой, единственной левой рукой.
- Я Мак. Мак Тоунвэд. Зачем летишь в Нью-Йорк?
- Э-м-м... Дела. Кое-какие дела. А ты?
- Он задумчиво смотрит в сторону, думая, что ответить. И, наконец, отвечает.
- Дела.

Глава 9

Мак Тоунвэд

Нью-Йорк

Посадка. Лёгкая встряска. Остановка. Традиционные аплодисменты пассажиров. Начинается суета, кто-то достаёт вещи с верхней полки, кто-то уступает кому-то, давая пройти. Я не могу выпустить своего попутчика Кристофера, так как не могу выйти самостоятельно, и приходится ждать стюардессу с моей тележкой. Пару минут, и красивая девушка в форме прикатывает мою коляску. Я поворачиваюсь к Крису.

– Ну что, удачи тебе в твоих делах, – и с улыбкой протягиваю ему левую руку.

– И тебе в твоих.

Мы жмём руки, и стюардесса обхватывает меня сзади, как ребёнка, усаживая в кресло. Через полчаса служащий аэропорта, пожилой мужчина, катит меня по аэропорту в сторону выхода, где меня уже ждёт такси, которое было заказано специально для меня Гаязом. Проезжая по первому этажу, я замечаю, что у телевизоров столпились люди и ошарашенно смотрят на экраны. Кто-то прикрывает рот от шока, кто-то плачет, вытирая слёзы, кто-то начинает нервно звонить. У других телевизоров в другом конце зала также столпились люди и смотрят в экран.

– Это повсюду, – говорит пожилой мужчина у меня за спиной. – Все словно обезумели.

Я издали пытаюсь взглянуть на картинку на экране и замечаю лишь кадры, где люди вместе с службой спасения ищут выживших под завалами.

– Что-то случилось? – спрашиваю я мужчину, – землетрясение?

– Взрыв в Иерусалиме. Город смело за секунду... Безумие какое-то. Не думал, что на своём веку увижу такое...

Я не отвечаю. Мне в голову приходят мысли о теракте, но тут же отвлекаюсь на крутящуюся дверь аэропорта, после которой водитель такси помогает мне залезть в машину. По дороге я пытаюсь размышлять о своей задаче завтра утром, но из мыслей меня выгоняют периодические крики людей за окном. Кто-то выкрикивает цитаты из библии, выбежав прямо на проезжую часть, группа людей с плакатами, на которых что-то написано об Иерусалиме, движется по тротуару. Один чернокожий выходит на дорогу и выкрикивает что-то о Господе. Водитель такси сигналил ему, когда тот проходит перед машиной и барабанит ладонями по капоту. Я чувствую, как что-то изменилось. Эти перемены летают в воздухе, я чувствую их запах. Как будто всё то же самое, но в людях что-то изменилось. Я чувствую, что эти минуты – это именно те самые первые мгновения, когда начинает меняться мир.

Глава 10

Кристофер Андерсон

Нью-Йорк

Я почти дома. Я не жду багаж около конвейера, потому что у меня нет вещей. Я не пью кофе с дороги, потому что у меня нет времени. Я на родной земле, и чтобы увидеть брата и начать эту жизнь заново, вернуться домой и обнять мать, мне нужно просто дождаться утра. Я быстрым шагом пробегаю аэропорт с портфелем на плече, не замечая никого и ничего, и ловлю такси. Номер в отеле уже забронирован, тачка стоит в нужном месте. Всё готово для финального заезда. Мне нужно немного выспаться и расслабиться перед этим. Я закрываю глаза и ненадолго засыпаю в машине по дороге в отель.

Меня будет лёгкий шлепок по колену.

– Приехали, брат!

Я осматриваюсь. Мы около отеля. Вэст-Стрит, 54. Я хватаю портфель и выскакиваю из машины. Лёгкий холодный ветер заставляет меня поёжиться. На улице слишком шумно, и я стараюсь быстрее зайти в вестибюль отеля, подальше от всей этой суеты. Ресепшн, пропуск в номер, 22-й этаж, никаких проблем. Всё, как и обещал Адиль. Верхние этажи, двухместный номер. Я бросаю портфель в угол прямо в коридоре и сразу же заказываю немного выпивки в номер. Осматриваюсь. Большая кровать, просторная гостиная, хороший интерьер. Стук в дверь. Благодарю горничную, наливаю виски в стакан. Включаю телевизор. Экстренные новости. Я хочу сделать глоток, подношу стакан к губам, но тут же отвожу стакан, глядя на экран.

Съёмки с камеры на вертолёте, облетающем поле камней и покорёженных машин. Затем камера переводит ракурс на горизонт, и я вижу огромный чёрный гриб. Он возвышается над серыми от пепла облаками, и в нём всё ещё, как вспышки молний в тучах, поблёскивают оранжевые огни. Я с приоткрытым ртом смотрю эти кадры и не могу понять, откуда идёт трансляция. Внизу, где идёт красная бегущая строка, я вижу название города – Иерусалим. Я почему-то перевожу взгляд в окно, откуда доносятся голоса людей и сигналы машин. Я вскакиваю и подхожу к окну, глядя на проезжую часть. Толпа с плакатами перекрывает движение огромным потоком.

– Напоминаем, – говорит ведущая новостей, – сегодня утром в Иерусалиме произошёл взрыв огромной силы. Город разрушен до основания, радиус взрыва был несколько десятков километров. Поиск пострадавших и тел погибших продолжается, но подобраться к эпицентру взрыва всё ещё не представляется возможным. Сейчас на экране вы видите номера международных линий для уточнения имён пострадавших и погибших. Горячая линия перегружена, но...

До утра ещё есть время. Взрыв в Иерусалиме прогоняет мысли о завтрашнем деле. Я смотрю кадры с места происшествия и делаю глоток. Мне необходимо выспаться, но в голову лезут мысли об этой трагедии. Я выключаю телевизор, и комната погружается в тишину. Чем меньше я буду слышать об этом, тем больше шансов будет уснуть, а значит, больше шансов быть в форме на утро. Я чувствую, что новость об этой катастрофе уже пронеслась по миру, и волнения в городе – это лишь начало. Я чувствую себя виноватым за то, что пытаюсь остаться равнодушным к этой новости, но завтра я увижу своего брата, а это для меня дороже всего на данный момент.

Глава 11

Мак Тоунвэд

Вэст-Стрит, 54. Это именно тот адрес, именно тот отель, где для меня забронирован номер. Водитель такси достаёт из багажника мою коляску и помогает мне перебраться в неё. Дальше меня встречает портье и помогает мне проехать до ресепшна.

– Мистер Тоунвэд, ваш багаж уже в номере.

Я недоумеваю и оборачиваюсь к нему.

– Мой багаж?.. – но тут же понимаю, о чём идёт речь.

– Именно. Его привезли за десять минут до вашего приезда.

– Благодарю, – отвечаю я, и меня внутри переполняет предвкушение завтрашнего дела.

Пару минут на ресепшне, пару минут на лифте, и портье уже заталкивает меня в номер на 21-м этаже.

– Могу ли я ещё чем-нибудь помочь? – спрашивает он.

– Нет, спасибо. Дальше я сам.

Оставшись один, я кое-как докатываюсь до спальни, где уже ждут четыре огромных кейса.

– Пора вставать на ноги, – говорю я сам себе и, нагнувшись с коляски, открываю один кейс. В ней протез правой ноги и пистолет-инъектор. Рядом с ним прозрачный пластмассовый футляр с девятью капсулами слоу-мо. Я надеваю протез, достаю второй. Затем надеваю правую руку и, наконец, закрепляю на спине платформу. Слоу-мо установлю завтра.

Что теперь? Я ловлю себя на мысли, что хочу есть. Перелёт был долгим, и было бы неплохо поесть. Я набираю номер и заказываю ужин в номер. Пока он будет готовиться, я ещё раз хочу взглянуть на новости из Иерусалима. Клик-клик, программы, каналы, нахожу новости на национальном канале.

– Горячая линия перегружена, но наша студия старается работать с каждым, кто пытается дозвониться. Напоминаем, что точное количество жертв назвать невозможно. По предварительным данным, их около миллиона.

Последние слова оставляют у меня ком в горле, у меня спирает дыхание.

– Господи... – шепчу я.

– Город разрушен до основания, из-за высокой температуры после взрыва к городу невозможно подобраться ближе, чем...

– Твою мать... – я склоняю голову и провожу по волосам металлической рукой. Я не верю в это, но кадры с места событий подтверждают этот кошмар. Это сбивает меня с мысли о завтрашнем дне. Звонок сотового заставляет меня вздрогнуть, я в спешке убавляю звук.

– Аллю?

– Это Гаяз. Ты на месте?

– Да... Да... Спасибо за номер.

– Утром будь готов к делу. В шкафу одежда, специально для завтрашнего дня.

– Э-м-м... Да, и за это спасибо.

– Слушай внимательно. Завтра утром я позвоню и скажу, куда направляться и где искать Альфу. Это будет не трудно, поверь. В кармане одежды в шкафу ты найдёшь визитку с адресом, куда нужно будет доставить Альфу. На месте тебя будет ждать человек, ты должен будешь поехать с ним и по приезде ты получишь то, зачем ты всё это делаешь.

– Моё тело...

– Именно. Отдохни. Завтра великий день.

Он сбрасывает вызов. Его слова отвлекают меня от новостей по телевизору, и я снова погружаюсь в завтрашний день. Стук в дверь. Я открываю её, высываясь лишь наполовину,

и одной левой рукой забираю у горничной поднос, благодарю её, через несколько секунд наслаждаюсь хорошо прожаренной хрустящей отбивной. Запиваю всё это апельсиновым соком, и это придаёт настроения. Я запрокидываю руку на спинку дивана и продолжаю смотреть новости, но уже без эмоций, как будто на экране реалити-шоу с хорошо продуманным сюжетом. Я думаю о деле. Итак, что от меня требуется? Отнять у незнакомого человека круглую штукловину? Тогда почему Адиль выбрал меня? Почему не послать на него отряд наёмников и не отобрать Альфу силой? Почему нужно тратить кучу денег и отдавать экзоскелет первому встречному инвалиду? Я задумываюсь об этом. Ставлю себя на место Гаяза и, кажется, понимаю его мотивы. Отряд, каким бы он ни был, работает как часы, по приказу, чётко и без колебаний, следуя определённым правилам ведения боя. Я же мотивирован. Речь идёт о попытке вернуть не только моё тело, но и вернуть мою прежнюю жизнь. Плюс отряд дубоголовых ребят с оружием – это как огромная, громоздкая машина. Я же в свою очередь гораздо быстрее их всех и менее заметен, учитывая то, что вся операция будет проходить на улице, среди бела дня, в одном из самых густозаселённых городов мира. Возможно, в этом есть логика. Но всей правды мне, конечно, не расскажут, учитывая, что вся эта история крутится вокруг Откровения, которое якобы является Матерью для многих. Но мне плевать. Я просто делаю это с выгодой для себя. Мне стоит выспаться. Я выключаю телевизор и иду в спальню. По пути я решаюсь заглянуть в шкаф, чтобы посмотреть, что Гаяз приготовил мне в качестве «экипировки» на завтра. В шкафу на вешалке висит лишь серая спортивная кофта с капюшоном и обычные джинсы моего размера. Хотя о размере я сейчас даже не думаю, учитывая, что я на днях «прибавил в весе». На дне шкафа стоят беговые кроссовки и кожаная коричневая сумка с лямкой через плечо. Я закатываю глаза и хлопком закрываю дверцу шкафа. С фантазией у Гаяза не очень. Плюхаюсь на кровать лицом в мягкий матрас и будто утопаю в силиконе. Ползу к подушке, попутно накрываясь одеялом. Смотрю в глянцевый белый натяжной потолок. В комнате мрачно, свет падает лишь из гостиной, пройдя путь через прихожую. Обожаю эти минуты перед сном, когда можно подумать на самые важные темы. Я задумываюсь, как круто изменилась моя жизнь за эти дни. Я инвалид. Я гораздо больше, чем просто инвалид. Если бы не экзоскелет, я был бы обрубок, висящим на тонкой верёвке в ванне. К лучшему ли, что Гаяз появился в тот момент? Или же надо было свести счёты с жизнью? Об этом и о многом другом я узнаю завтра. Я укутываюсь в одеяло, накрываясь с головой, и весь мир, который сходит с ума в эти минуты, остаётся за его пределами.

Глава 12

Кристофер Андерсон

Меня будит звонок сотового, и я, подскочив, понимаю, что это тот самый звонок, о котором говорил Адиль. Я начинаю рыться в одеяле в поисках телефона. Найдя его, я тут же отвечаю.

– Да...

– Подойди к окну...

Мой собеседник не представляется, но я не задаю лишних вопросов, вскакиваю с кровати и в одних трусах подхожу к окну.

– Видишь многоэтажную стоянку через квартал, в конце улицы?

Я всматриваюсь в конец улицы, но не узнаю город. Улицы задымлены копотью от жжёных покрышек, по улице бегут перепуганные люди. На некоторых этажах соседних высоток я замечаю разбитые окна, из которых валит дым от пожара. Я перевожу взгляд на самый конец проезжей части и сквозь чёрный дым разглядываю верхние этажи парковки.

– Да... Вижу...

– Третий этаж, бокс №137. Ворота не заперты.

С этими словами он бросает трубку. Я так и не смог распознать того, кто звонил. Это не столь важно. Если он дал мне указания к действиям, значит, он в этом деле. Я снова обвожу взглядом улицу, наблюдая всё это безумие. На улицах беспорядки, ворота в боксе не закрыты, и это заставляет меня быстро натянуть на себя одежду, спрятать голову под капюшоном и выбежать на улицу, спустившись на лифте. Портье и девушка на ресепшне встревожены, но я покидаю этот отель раз и навсегда, не попрощавшись. Крутящаяся дверь отеля выталкивает меня в новый, не тот, что был вчера, мир. Я ощущаю его запах – это запах пожара и горелых покрышек. Я слышу его голос – это звуки разбитых витрин, тресканье костров, крики хулиганов, крики испуганных, крики о помощи. Я засовываю руки в карманы и просто иду по тротуару среди бегущих парней в капюшонах и банданах на лицах. На дороге несколько человек что-то орут другим, кто-то вздымает руки вверх, держа биты. Я отскакиваю назад, когда передо мной на тротуар падает перевёрнутая машина. Один из хулиганов залезает на неё и поливает бензином. Затем он бросает канистру другому, который после этого заходит в небольшой магазин через разбитую витрину. Прямо передо мной один из парней в маске вытаскивает за волосы визжащую девушку. Меня пронзает страх перед выбором: помочь ей и после этого быть убитым, или пройти мимо? Парень вытаскивает её на тротуар, бросает, возвращается в магазин. Девушка с чёрными кудрявыми волосами, с потёкшей от слёз тушью, убегает прочь мимо меня. Я ускоряю шаг. До парковки ещё квартал, но преодолеть его не так-то просто. Меня спасает то, что я одет практически как хулиганы. Огромный мусоровоз едет по встречной, справа от тротуара, и сворачивает на него прямо передо мной, с сильным ударом врезаясь в стену. Я едва успеваю отбежать назад, и после удара заглядываю внутрь кабины, проходя мимо. Чернокожий мужчина открывает дверь и, морщась от боли, выпрыгивает из кабины. Он держится за рану в животе, с бешеным взглядом оглядывается по сторонам и убегает прочь, прихрамывая на одну ногу.

«Что вообще происходит?» – думаю я. Мне просто необходимо как можно быстрее добраться до машины. Я перехожу на бег и выбегаю на перекрёсток. Мимо меня проносится горящий «бьюик», оставляя за собой след жара и искр. Слева, прямо на углу перекрёстка, трое парней бьют ногами человека, лежащего на асфальте. Звук автоматной очереди пронзает улицу и заставляет меня пригнуться. Справа, с первого этажа высотки, валит дым с хлопьями пепла от пожара. Он застилает улицу копотью так, что я закрываю нос и рот рукой и пытаюсь разглядеть хоть что-то, выставив руку вперёд. Непроглядная едкая мгла заставляет меня идти мед-

леннее. Я спотыкаюсь о поваленный фонарный столб, и в этот момент снова слышу очередь. Мимо меня в тумане пробегают блеклые фигуры людей, они выбегают из ниоткуда в никуда. Я снова выставляю руку, чтобы не наткнуться на нежелательного прохожего. Пепел хлопьями валит, как снегопад, и мне кажется, что это облако дыма слегка заглушает весь этот хаос вокруг. Вдруг моя ладонь упирается во что-то большое и тёплое. Я чувствую короткую шерсть. Поднимаю глаза и вижу перед собой полицейского коня. Он слегка вздрагивает от моего прикосновения, но остаётся стоять на месте, слегка фыркая. У него ярко-рыжий окрас, на голове белые пятна. Он смотрит на меня, и я отражаюсь в его чёрных больших глазах. Его появление в этом месте настолько неожиданно, что мне на мгновение кажется, что это сон. Я обхожу его и бегу дальше. Едкое облако заканчивается, и меня сбивает с ног пробегающий мимо мужчина, за которым вдогонку бегут ещё пятеро. Так дело не пойдёт, такими темпами я доберусь до машины не скоро. Я встаю на ноги и бегу что есть сил до парковки. Не обращаю внимания на хаос вокруг, оббегаю мародёров одного за другим. Справа дорогу мне преграждает легковая машина, и я с разбега вскользь проезжаю задницей по её капоту. До входа на парковку остаётся каких-то пятьдесят метров, я почти у цели. Оглушительный взрыв на нижних этажах высотки слева сдувает меня с места, и я отлетаю в лобовое стекло припаркованной машины. Звон в ушах и белая, размытая пелена перед глазами. Я валяюсь на капоте машины и едва могу поднять голову. Сквозь гулкий шум в ушах я слышу громкий треск и скрежет. Сквозь размытые движения вокруг я вижу, как мародёры и хулиганы смотрят вверх, на верхние этажи этой высотки, и разбегаются прочь. Я поднимаю взгляд и сквозь падающие хлопья пепла вижу, как огромное зеркальное здание слегка покачивается. Внезапно первый этаж издаёт громкий скрежет и гул. Я снова смотрю вверх. Здание начинает падать в мою сторону. Бежать назад нет смысла, оно слишком большое и накроет всю улицу. Я вскакиваю со скользкого капота и что есть сил бегу в сторону парковки. Здание падает так быстро, что оно уже нависло надо мной, бросив тень на улицу, и где-то там, наверху, в одном из зеркальных окон видно моё отражение. Я пробегаю ещё с десятков метров и выбегаю из зоны поражения. Гул от падения здания оглушает, у меня под ногами асфальт вздымается волной, покрывается трещинами. Я едва могу устоять на ногах, и в следующее мгновение сзади меня подхватывает и бьёт в спину вихрь из густого белого облака перетёртого бетона. Он проносит меня на пару метров, и как только я вновь касаюсь ногами земли, я сворачиваю в широкий проезд парковки.

Шум и грохот перемешиваются со стуком крови в ушах. Я осматриваюсь на первом этаже, затем осматриваю себя. Меня как будто обсыпали мукой с ног до головы. Сбиваю с себя бетонную пыль, отряхиваю волосы, стряхиваю её с рук, с плеч, и меня окутывает бледное облако. На первом этаже темно, и в конце парковки я вижу группу ребят около фургона. Мне лучше вообще не показываться на глаза кому-либо. Я забегаю по крутому винтовому подъёму на второй этаж и, не останавливаясь ни на секунду, забегаю на третий. 137-й бокс. На каждом из боксов установлены секционные ворота. Пробегаю мимо 123-го, мимо старых машин, мимо 128-го и в конце парковки вижу, что под белыми воротами из бокса пробивается полоска яркого света. Я сбавляю шаг и вижу на этих воротах нужный мне номер. Предвкушение смешивается с волнением, и я наклоняюсь до пола, берусь за ручку ворот и с силой поднимаю их. У меня прекрывает дыхание. McLaren P1 GTR Wallpapers. Я видел эту машину в снах. Она невысокая, почти по грудь. Моя рука сама тянется к её линиям, к её бордовой глянцевой поверхности. Изогнутые линии её кузова и огромный спойлер, её посадка – это смесь мощи и произведения искусства. Я нежно провожу ладонью по капоту, затем по двери, осматривая её с лёгкой улыбкой. Моя ладонь касается ручки двери, и я лёгким приятным щелчком открываю её. Дверь открывается вверх и при этом поворачивается параллельно полу, словно раскрывается крыло бабочки. Салон укреплён усиленным каркасом и распорками чёрного матового цвета. Из салона убрали всё лишнее, сидения облегчённые. Каркас задней части машины отсутствует, он как будто отрезан, видны мышцы мощного серебристого мотора. Задние колёса обнажены полностью, они

выпирают на десяток сантиметров, делая McLaren шире. Резина та, что и должна быть, как раз для езды на соответствующих скоростях. Спойлер регулируется из салона. Из-за отсутствия задней части корпуса от «задницы» осталась только выхлопная труба в форме перевёрнутой трапеции, длинные, тонкие, изогнутые полоски задних фар и широкий бордовый спойлер. Араб не соврал. Судя по «начинке» этой тачки, сделана она для особых целей. И я готов. Дальше всё просто – ждать. Я сажусь за руль и нахожу под ним ключи. Лёгкий поворот – и сердце мотора начинает рычать. Стук стального сердца учащает стук моего. Задняя стена бокса начинает светиться красным неоном. Громкий рёв мотора говорит о том, что он готов к миссии, и я плавно нажимаю на педаль газа, выкатывая McLaren из бокса, и паркую его посередине третьего этажа. Начинаю ждать.

Глава 13

Мак Тоунвэд

Грохот за окном заставляет меня проснуться. Я протираю глаза левой рукой и, ещё не привыкнув к свету, смотрю в окно. За окном я вижу серое небо и огромный столб белого дыма, поднимающегося к облакам. Я встаю с кровати и, не отрывая взгляда от этой картины, подхожу к окну. Огромное белое облако застилает всю улицу как туман, покрывая белой пылью всё, к чему прикоснётся. Дыма так много, что он застилает собой весь район, закрывая вид из окна. Звонок сотового заставляет меня вздрогнуть. Я хватаю его и пару секунд смотрю на незнакомый номер, после чего отвечаю на вызов.

– Да...

– Привет, Мак. Это Гаяз. Пришло время. Ты готов?

Я чувствую, как моё сердце забилося в бешеном ритме.

– Да... Конечно. Я готов.

– Сотовая связь будет невозможна в ближайшее время, поэтому я дам тебе нужные указания, затем связь будет прервана.

– Хорошо... Что я должен делать?

– Одевайся и спускайся вниз, выйдешь через чёрный вход. Я позвоню, как только ты будешь на улице.

На этом связь обрывается. Я бросаю телефон на кровать и открываю шкаф. Натягиваю на ноги джинсы, которые мне как раз по размеру. Я замечаю, что на правом бедре джинсов есть карман на кнопке, отстегнув который можно увидеть отъезжающую панель для капсул слоу-мо. Открываю её и устанавливаю капсулу в каждый отсек. Всего девять. Обувая новые кроссовки на протезы, чувствую, как они приятно пружинят. Напяливаю кофту, накидываю сумку на плечо. Кладу телефон в карман джинсов, дозатор засовываю за пояс и выхожу из номера, не закрывая дверь на ключ. Далее тесный лифт тянет меня вниз. Я смотрю в зеркало, установленное внутри, и вижу тревогу, смешанную с предвкушением. Двери лифта распахиваются, и я тут же сворачиваю в служебное помещение так, чтобы охрана и девушка с ресепшна меня не заметила. Прохожу через прачечную, где приятно пахнет свежевывстиранным постельным бельём, мимо смуглых толстых женщин в белых халатах, мимо гор грязного белья и стопок чистых простынь. Нахожу среди всей этой суеты зелёную, мигающую от перепада напряжения табличку «Exit», открываю дверь, не сбавляя скорости. В нос сразу же бьёт запах гари. Я выхожу в узкий переулок, и небо обсыпает меня большими хлопьями серого пепла. Звонок сотового.

– Да.

– Мак, из-за задымления и облаков у нас нет наблюдения «сверху», тебе придётся действовать без навигации. Будет нелегко, но я объясню, что делать. Ты готов?

– Да. Говори.

– Мы знаем, что объект находится в нескольких кварталах от тебя. Просто так подбраться к нему будет невозможно, и найти его без «глаз» сверху тоже. Но он сам обнаружит себя. Слушай внимательно, дальше связь будет невозможна, все переговоры вокруг Хранителя могут быть засвечены, и тебя вычислят. Через пару минут ты увидишь вспышку, очень яркую. Это свет Альфы. Она будет светиться так ярко, что это будет заметно за несколько километров. Как только увидишь свет, жги слоу-мо один за другим, пока не доберёшься до Хранителя. Как только Альфа будет у тебя, прячь её в сумку, не давай ей испускать свет, иначе будешь засвечен. Когда будешь в безопасности, набери номер #9119 с любого телефона. Эти цифры с решёткой перекинут тебя ко мне, и я скажу, куда следовать. Понял?

– Да.

– Тогда жди вспышки. Конец связи. И Мак...

– Да...

– Этот мир надеется на тебя. Не подведи.

На этом связь обрывается. Последняя фраза прибавляет волнения. Чувствую себя, как в финале кубка мира по футболу, и победа зависит от моего гола в серии пенальти.

– Вспышка... вспышка... – говорю я сам себе, надевая капюшон. Док прав, если со спутника его не заметить, то логично обнаружить его по свету. Я открываю панель на правом бедре, достаю капсулу мутного слоу-мо и вставляю в дозатор. Всё готово. Теперь ждать.

– Ждать...

Я переминаюсь с ноги на ногу. Делаю глубокий вдох. Чувствую, как приятно пружинят кроссовки. С какой стороны будет вспышка? Я ищу место опоры для быстрого старта. Рядом только выступ здания и мусорный контейнер. Отодвигаю вонючий контейнер к стене и упираюсь в него правой пяткой. Касаясь ладонями асфальта, пробую позицию. Вроде бы удобно. Опять нервно прыгаю с ноги на ногу, как бы разминаясь по привычке, хотя в моём случае разминать нечего.

– Он будет двигаться чуть медленнее меня... – проговариваю я про себя слова Гаяза. Глубокий вдох, выдох. Опять вдох и выдох. Я нервничаю как никогда. Я хотел почувствовать в марафоне, а сейчас «этот мир надеется на меня». Я потерял свои ноги и руку, я потерял мечту, но, возможно, я приобрёл нечто большее. Я стал частью чего-то большого. Сейчас эта штука сверкнёт на весь город, и я покажу, насколько я быстрый. Гляжу в свинцовое небо. Оно сыплет на меня хлопья пепла. Сейчас. Сейчас всё начнётся. Я опускаю глаза вниз и делаю ещё один глубокий вдох. Через секунду становится светло как днём. Я снова смотрю в небо и вижу свет, исходящий откуда-то из-за небоскрёбов в паре кварталов от меня. Моё сердце замирает. Я смотрю на ярчайший свет, чьи лучи доходят до серых облаков и освещают небо. В спешке я отхожу к мусорному баку, упираюсь в него правой пяткой, принимаю положение старта. Достаю дозатор, подношу к шее. Глубокий вдох. Курок дозатора вонзает мне в шею иглу и впрыскивает слоу-мо в кровь. Хлопья пепла останавливаются. Сильным рывком я срываюсь с места, оставив вмятину от пятки на мусорном контейнере. Быстро бегу по переулку, пряча дозатор за пояс. Выбегаю на проезжую часть, где целая толпа хулиганов в масках застыла, уставившись на яркий свет, исходящий из-за небоскрёба. Я пробегаю сквозь редкую толпу по серой, присыпанной пеплом улице, мимо разбитых витрин, горящих машин, забегаю в красное облако валяющегося на асфальте хулиганского фаера. В красном дыму мне встречаются ещё пару парней в масках, один из которых держит в руке коктейль Молотова. Пробегаю мимо него, я выхватываю бутылку из руки, она мне ещё понадобится. Выбегая из красного облака, я замечаю, что моя одежда окрасилась в грязно-красный цвет, как будто я побывал на фестивале красок. Передо мной справа медленно проезжает машина с обрезанной крышей, в ней четверо парней. Они стреляют из автоматов в небо, и гильзы медленно падают в разные стороны. Машина прямо у меня на пути, я перепрыгиваю её, сделав пару шагов по капоту. Дальше передо мной всё та же картина хаоса. Многие хулиганы и мародёры уставились в сторону света, я пробегаю мимо них так быстро, как я бегал когда-то на своих двоих. Внезапно слева из магазина вырывается какая-то прозрачная волна, она больше похожа на ребристый горячий воздух от костра. Мне хватает секунды, чтобы понять, что это взрывная волна. Следом за ней на улицу медленно вырывается целая туча огня, вынося с собой весь офисный хлам. Я прикрываюсь левой рукой от жара, но горячий порыв медленно накрывает меня целиком, принося с собой осколки окон. Ещё один сильный взрыв слева, прозрачной волной выбивает окна припаркованной рядом машины, и огненная волна отбрасывает её в сторону. Меня снова обдаёт волна горячего воздуха, и внутри неё мне практически нечем дышать. Машина медленно летит в сторону, перегораживая мне путь, и я с разбега делаю подкат, проскользнув под ней до того, как она упадёт на землю. Встаю на ноги, забегаю за угол, и в глаза мне бьёт сильный яркий

свет. Это заставляет меня остановиться. Передо мной открывается широкий проспект с тысячей медленно движущихся людей. Они тянутся к свету, направляясь в самый его эпицентр. Многотысячная одурманенная толпа с блеском и верой в глазах идёт в сторону света, который, как они думают, даст им надежду. И тут, стоя в этой грязной медленной толпе, я понимаю, что здесь происходит. Хранитель, кем бы он ни был, принёс сюда Альфу, то, что даёт жизнь этой планете, и показал это обезумевшим от страха после уничтожения Иерусалима людям. Что, если не Мать, может дать людям веру в этом мире со сдвинутой крышей? Он покажет это всем, и это станет для людей надеждой и верой, успокоением и чудом. Ведь мир изменился, он стал грязнее после того, как центр христианства был уничтожен. И тут передо мной выбор. Что, если я могу навредить, отобрав у Хранителя и всех этих людей Альфу? Может, людям действительно нужно чудо в этот трудный момент? Первая доза слоу-мо вот-вот закончится, и мне нужно решать. Учитывая, что Альфа – это половина «ингредиента» Большого взрыва, то я думаю, что сделаю верный выбор, отобрав её у Хранителя. Но что, если меня используют? Что, если Гаяз и Адиль – не те люди, которым стоит доверять? Что, если я выбрал не ту сторону? Так или иначе, я не узнаю об этом, стоя здесь. В любом случае если я не стану действовать сейчас, то я не узнаю правду и не получу обратно своё тело, как обещал Гаяз. Я замечаю подземный переход недалеко от меня, буквально в сотне метров. Я хочу попасть туда, чтобы снова вколоть слоу-мо, подальше от ненужных глаз, плюс это будет моим следующим местом для старта. Я замечаю, как серые хлопья пепла начинают падать быстрее, я начинаю различать голоса людей вокруг. Движение толпы ускоряется, и потоком людей меня уносит в сторону яркого света. Кто-то тянется руками к лучам Альфы, кто-то идёт со слезами на глазах, кто-то шепчет молитвы. Я с трудом могу пробиться сквозь одурманенную толпу, пытаюсь расталкивать её, но людей так много, что они идут плотной стеной. Толпа сильным потоком, как горная река, несёт меня в сторону Хранителя, до которого остаётся ещё примерно пятьдесят метров. До подземного перехода остаётся с десятков метров, и я начинаю разгребать людей, это больше похоже на плавание брассом. Никто не возмущается моим действиям, не упрекает и не пытается оттолкнуть. Все они зомбированы светом в конце проспекта. Я вырываюсь из толпы, сворачиваю в подземный переход и обнаруживаю, что у него обвален потолок. Вход забаррикадирован, лишь маленький проём среди поваленных плит, через который можно перейти. Спускаюсь вниз по лестнице и протискиваюсь среди камней и арматуры, пролезаю дальше и сажусь на корточки между плитами. Достая дозатор, капсулу, вставляю, заряжаю, подношу к шее. Стоп. Ещё раз стоит всё обдумать. До эпицентра ещё примерно сорок метров, одной капсулы должно хватить, чтобы подбежать, выхватить из рук Альфу и свалить. Если слоу-мо закончится раньше, то Хранитель схватит меня, и мне крышка. Одной капсулы должно хватить. Я верю, что хватит. Лёгкий укол, и голоса и вопли толпы сверху становятся медленными, как мычание, словно на зажёванной плёнке. Я поднимаюсь по лестнице перехода и что есть сил бегу в сторону света. Через толпу бежать нет смысла, в ней можно увязнуть, как в болоте, и поэтому я бегу по тротуару, минуя гущу людей. С каждым шагом свет становится ярче, и от неизвестности мой пульс учащается. До эпицентра остаётся каких-то двадцать метров, но толпа вокруг слишком густая, мне так просто не пробиться. Я замечаю справа припаркованный чёрный грузовик, он стоит рядом с толпой, и я запрыгиваю на его капот, потом на кабину и, наконец, на крышу. С этой высоты мне открывается вид на всю эту безумную армию и на сердце этого света. Он настолько яркий, что с непривычки я ничего не могу рассмотреть в радиусе пяти метров от него. Я вижу, как вокруг эпицентра образовался пустой круг, оцепленный сплошным рядом из бойцов спецназа. Они не пропускают никого к эпицентру света, выставив черные щиты сплошным забором. Я разбегаюсь по крыше грузовика и что есть силы делаю прыжок, пролетая над грязной толпой в сторону света. В режиме слоу-мо это падение кажется мне вечностью. Я лечу к земле и приземляюсь за спинами солдат. Падение оказалось таким жёстким, что заставило меня сделать кувырок через плечо. Встав на корточки,

я чувствую под ногами что-то мягкое. Осматриваюсь и замечаю, что всё вокруг усеяно мягкой травой, как будто я нахожусь на лесной поляне. Трава вырывается прямо из-под асфальта вместе со стеблями распускающихся цветов. Вся эта трава растёт в пределах широкого круга, выстроенного из кордона спецназа. Мимо моего лица пролетает голубая бабочка, и она летит так медленно, что я могу рассмотреть каждый взмах её крыльев. Она улетает дальше в сторону света.

Я провожаю её взглядом и вижу в паре метров перед собой человека в тряпичном плаще с капюшоном. Он стоит ко мне спиной, а в его правой руке – круглый предмет не больше обычного яблока, от которого исходит свет ярче любой звезды. Слева от него из-под асфальта и травы с неестественной скоростью вырывается ствол дерева, от которого тянутся другие ветви, покрываемые зелёными листьями. Он держит Альфу передо собой, и я, не теряя ни секунды, делаю рывок вперёд, пытаюсь выхватить её. Внезапно он убирает руку в сторону, даже не посмотрев на меня. Он отворачивается, прижимая Альфу к груди и пряча её от меня. Я оббегаю его справа в тот момент, когда он оглядывается на меня через левое плечо. Вокруг нас замедленный мир, но этот человек двигается чуть медленнее меня. Я, как в игре в баскетбол, обхожу его справа приставными шагами, оказываясь у него спереди, снова тянусь за Альфой, но в последний момент он успевает заметить меня и перекладывает её в другую руку, пряча её за спиной. Дерево рядом с нами продолжает расти, оно становится выше нас и покрывается хищно-розовыми цветами абрикоса. Мы двигаемся, как под водой, играя в салки, но ни один из нас не может дотронуться до другого. Он слишком опасен, чтобы я подходил ближе. Я снова приставными шагами обхожу его, но уже с другой стороны, захожу за спину и тянусь за Альфой. Он держит её в левой руке и, не успевая развернуться в мою сторону, перекладывает Альфу в правую, тем самым снова прячет её, держа около груди. Он медленно наносит удар левым кулаком, но я успеваю пригнуться. Удар проходит у меня над головой, и это заставляет его по инерции наклониться в сторону. Розовые лепестки падают сверху и кружатся вокруг нас от каждого нашего движения. Я обхожу его с другой стороны, но когда он снова поворачивается ко мне, то заносит Альфу себе за спину, будто пряча подарок от ребёнка. Я понимаю, что тянуть нельзя, второго шанса не будет. Я решаюсь ударить его ногой сбоку по колену. Удар выходит изо всех сил, его нога подгибается внутрь с глухим хрустом, отчего он падает на одно колено. В этот момент он не может развернуться, пока я обхожу его сзади и выхватываю из его руки светящийся шар. Почувствовав это, он разворачивается и, оскалившись, пытается схватить меня обеими руками, вытягивая их в мою сторону. Я наклоняюсь назад, падаю на спину в мягкую траву, чтобы не попасться под эту железную хватку, делаю кувырок и встаю на ноги. Но передо мной проблема – действие слоу-мо вот-вот закончится, а я нахожусь в кругу плотной стены из щитов спецназа, вокруг – море людей. Я с разбега запрыгиваю на плечи одного бойца, и он прогибается от моего веса. С его плеч я перепрыгиваю на голову одной женщины из толпы, с неё делаю шаг на голову другому парню, но тут же теряю равновесие и падаю на головы людей, как рок-звезда на концерте при полном стадионе, тону в гуще людей и медленно падаю на дно этого моря. Прячу светящийся шар в сумку и встаю на корточки. Действие слоу-мо заканчивается, и толпа взрывается в гуле голосов и криков. Я путаюсь под грязными ногами толпы и пытаюсь пробраться, то на корточках, то пытаюсь проползти между людьми. Сквозь гул толпы я слышу звук передёргивания затворных рам автоматов, грубые, искажённые голоса бойцов по рациям. Ещё мгновение, и звуки толпы заглушает рокот десятков выстрелов. Толпа надо мной сразу же редет, рядом падают мёртвые тела. Страх смерти заставляет людей разбежаться в разные стороны, по моей спине пробегает один человек, затем другой. Я пытаюсь ползти по мокрому от крови асфальту, на меня падают испуганные люди, кто-то спотыкается, кто-то падает замертво, мне наступают на голову, руку, и вся эта мясорубка не даёт мне даже просто подняться на ноги. Пули проходят сквозь толпу как иглы, лишая жизни всех на своём пути. Так продолжаться не может, если я застряну здесь, Хранитель найдёт меня. Я перевора-

чиваюсь на спину и достаю дозатор. Затем открываю панель на бедре, достаю капсулу слоу-мо, заряжаю. По мне пробегает ещё несколько человек, один становится на грудь, второй спотыкается об меня, третий наступает мне мокрой подошвой на лицо. Укол. Толпа замедляет ход, звуки и крики снова стихают. На моём лице и одежде кровь вперемешку с грязью. Это не моя кровь. Я сваливаю с себя какого-то мужика, упавшего на меня, встаю на ноги и осматриваюсь. Вокруг целая армия трупов, кто-то умирает, пытаюсь ползти, кто-то уже мёртв. Я, не теряя времени, бегу прочь, оглядываясь на то место, где был Хранитель. Отряд спецназа выпускает раскалённые пули во все стороны, зачищая местность, чтобы найти меня живым или мёртвым. Хранитель готов убить всех ради Альфы. Я бегу что есть сил, перепрыгивая трупы и раненых, спотыкаясь, падая, встаю и снова бегу. У меня под ногами одни и те же лица, перепачканные кровью. Одни смотрят в серое небо, увидев Бога, другие искажены от боли. Вот и ответ на один из моих вопросов – на той ли я стороне? Да, видимо, на той, судя по этому побоищу. Я сам ответил на свой вопрос, а значит, я на правильном пути, раз вообще стал находить ответы. Я сворачиваю за угол и бегу прочь как можно быстрее, вдыхая хлопья пепла. Я должен позвонить Доку. Засовываю руку в карман, но телефона нет. Я выронил его, когда валялся в куче грязной толпы. Мне нужен телефон, но времени искать его нет. Мне нужен таксофон, и как можно скорее. Я сворачиваю на Таймс-Сквер, где от мигающих огней, ярких больших экранов, от всего, что напоминает о главной улице Нью-Йорка, не осталось ровном счётом ничего. Серая улица с толпой хулиганов, медленно летящими камнями, бутылками, освещается лишь яркими вспышками зелёного и красного фаеров. Я замечаю будку таксофона через дорогу, но звонить сейчас нет смысла, ведь я в режиме слоу-мо. И тем не менее нельзя терять ни секунды, даже если каждая секунда тянется как жвачка Bubble Gum. Пересекаю дорогу, коньковым шагом оббегаю хулиганов и мародёров. Захожу в стеклянную будку и перевожу дыхание. Слева от меня на уровне моего лица стекло будки пробито пулей. Справа от меня такое же отверстие. Будку медленно накрывает зелёным дымом фаера. Слоу-мо заканчивается, и я снова слышу этот раздражающий шум анархии. Беру трубку и набираю нужный номер через решётку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.